

АПОКАЛИПСИС WELCOME

Армагеддон Лайт

Билет в Ад всегда выдаётся в Раю

Конец света

Георгий Зотов

**Апокалипсис Welcome:
Армагеддон Лайт**

«Автор»

2014

Зотов Г. А.

Апокалипсис Welcome: Армагеддон Лайт / Г. А. Зотов —
«Автор», 2014 — (Конец света)

ISBN 978-5-699-70474-3

Москва в 1812 году – оккупирована французами. Но вдруг... РЕАЛЬНОСТЬ
МЕНЯЕТСЯ. В кафе – вай-фай, в метро – реклама менеджеров
Наполеона. Кутузов берет кредит на войну в бизнес-центре «Фили». И
ЭТО – ТОЛЬКО НАЧАЛО. Некто переключает реальности, словно
пультом. КТО ОН ТАКОЙ? Ответ на этот вопрос ищут демон и ангел. ЧЁРНЫЙ
ЮМОР. ТРИЛЛЕР. ФАНТАСМАГОРИЯ. От автора «Элемента Крови»
и «Апокалипсис Welcome». ПОЧЕМУ О ЕГО КНИГАХ СПОРЯТ В
ИНТЕРНЕТЕ? Найди ответ внутри!

ISBN 978-5-699-70474-3

© Зотов Г. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Зотов®

Армагеддон лайт

Часть I

Книга Самаэля

*«Чем безупречнее с виду человек —
Тем больше у него внутри демонов».*
Зигмунд Фрейд, психиатр

Пролог

– ...Пардон, дорогой меcье, – у вас к киверу прилипла сажа. Да-да, вот здесь.

– Гран мерси. – Пьер снял головной убор и ожесточённо затряс им, избавляясь от чёрной грязи у козырька. – Погода здесь попросту ужасная. Простите, я никоим образом не хочу обидеть вас, но всю неделю этот город горит. Выйдешь вечером на променад и сразу начинаешь кашлять от дыма... там пожары, тут пожары... Прибавьте ко всему слякоть и страшный ветер. О мон дье, вам и не представить, как я скучаю по родному Провансу. У нас чудесно осенью, всюду витают запахи цветов и свежего, только что отжатого из оливок масла. Искренне надеюсь, наш император... то есть, я хотел сказать, ВЕЛИКИЙ император, договорится с вашим царём о мире, и мы поскачем домой...

Француз вдруг резко оборвал речь – сообразив, что чересчур разболтался с незнакомцем. Проклятая общительность. Следует помнить: он не в гостях, местные жители опасны.

Старик ласково кивнул ему. Сморщенный, как смоква, сухонький, седые волосы до плеч, мутные водянистые глаза – лет под девяносто, не меньше. Кажется, выжил из ума. Но такое часто случается: кто слишком долго ухаживает за помешанными, сам в итоге теряет разум. Не дожидаясь приглашения, Пьер прошёл вглубь по отсыревшему коридору, прямо по обрывкам бумаги – печку в особняке, вероятно, топят книжными страницами.

Дикий народ. Знакомо ли этим варварам слово «культура»?

Дойдя до гостиной, Пьер огляделся. Да... ну что сказать... похоже на тюрьму. Дедушка семенил рядом – эдакий божий одуванчик, ногу чуть приволакивает, серый сюртук протёрся в локтях и на спине. Видимо, сюда и раньше заходили французские офицеры, – старичок ничуть не удивился его появлению. В сумраке что-то прошуршало: ладонь Пьера инстинктивно легла на рукоять пистолета. Хозяин шамкающе рассмеялся.

– Мышки-с. Не бойтесь, ваше благородие, – совсем малюсенькие.

Пьер усмехнулся, искоса бросив взгляд в зеркало на стене.

Отражение (щедро припудренное слоем пыли) явило ему подтянутого офицера в синей форме с эполетами лейтенанта. Из-под кивера выбивались чёрные кудри, шею обвили с десяток золотых цепочек – стесняться нечего, лишь дурак удержится от соблазна, когда в городе столько брошенных второпях домов. Старик вполне сносно болтал по-французски, но Пьера это уже не удивляло: языком империи тут владел каждый второй – если, конечно, не брать в расчёт дремучих крестьян. Особняк изрядно отдавал затхлостью – из стен сочилась влага, воздух пропах мышинным помётом и плавящимся воском свечей. Русская усадьба. Здесь раньше жил богатый боярин (Пьер не очень разбирался в местных титулах), который, как ему рассказали, завещал здание под скорбный дом. Нет чтобы устроить культурное публичное заведение

– ведь приличных девушек (из тех, что по цене двадцать франков за ночь) в *Моску* и с охотничьими собаками не найдёшь. О, кстати... Почему совсем не видно душевнобольных?

– А, пардон... Месье, меня крайне интересует – куда делись ваши подопечные?

Старик грустно пожевал бесцветными губами.

– Их вывезли, сударь. У каждого нашлись родственники, они и озаботились, да-с. Осталась лишь девица, одна-одинёшенька... сиротинка. Когда забирали остальных, она спряталась... Обнаружив бедняжку, я не смог её бросить. Настоящий ангел, поверьте мне. Сидит целыми днями у себя в келье, никого не трогает. Вы ведь не причините ей зла? Девочке восемнадцать лет – она дитя с чистой душой и кристальными помыслами.

Пьер скрипнул зубами. Он был без женщины пятый месяц и с редким удовольствием причинил бы кому-нибудь зло. Возможно, даже пару раз подряд. Но сумасшедшая... Опасно. Этот город и так сущий ад – на губах вкус пепла, что сыплется со свинцовых туч. Кто знает, какими бесами одержима мадемуазель? Ему нет до неё дела. Полковник приказал отыскать дом для постоя драгун – и, кажется, он его нашёл. Особняк напоминает тюрьму – мрачно, темно, сыро, но ничего... В комнатах разожгут костры, бумаги предостаточно. Большинство подходящих для жилья зданий в *Моску* выгорело дотла, эскадронам вместе с лошадьми приходится квартировать в церквях – маршал Даву и тот ютится в келье варварского монастыря. Скоро наверняка грянут заморозки, люди уже всю простужаются. Девушка... ну какая разница. Не ему пригодится, так солдатам.

– Могу я взглянуть на неё, месье? Тысяча извинений за беспокойство.

– О, конечно, сударь. Следуйте за мной, сильвупле.

Они прошли шесть комнаток подряд – таких же тёмных, узких и холодных. По углам были свалены наспех старые книги для растопки, полусгнившие меховые шубы и даже охапки сена. Пьер не делал выводов – русские вообще странные, их сложно понять умом.

На входе в келью девушки отсутствовала дверь. Старик приложил палец к губам.

Пьер так и открыл рот: убогая действительно была ангельской красоты. Просто фарфоровая куколка – если рассматривать её в профиль. Бледное лицо с нездоровым румянцем освещали огоньки свечей. Склонившись над грудой бумажных листов, она, стиснув в пальцах гусиное перо, лихорадочно покрывала страницу крупными буквами. И столь увлеклась своим занятием, что даже не заметила посетителей.

– Что именно она пишет, месье? – шепнул француз.

– Книгу, – коснулся губами его уха старик. – Она спешит написать роман, сударь.

– О чём? – с удивлением воззрился на него офицер.

– Я не интересовался, месье, – развёл руками старый смотритель. – Мы лишь удовлетворяем их чаяния. Уж лучше гусиное перо, чем нож в её руке. Поверьте, случалось и такое.

Девушка вдруг подалась назад, и Пьер невольно попятился. Она смотрела сквозь него, обуянная вдохновением, – но взгляд был безумен, а глаза светились волчьими огоньками. По подбородку побежала тоненькая струйка крови: прикусив нижнюю губу, блаженная вернулась к своему занятию. На бумаге расплылись алые капли. По спине француз побегали мурашки.

– Девицу нельзя забрать, – горестно пожаловался дед. – Пытался уже вывести наружу – начинает кричать, расцарапывает себе лицо и не может остановиться. Страх какой, ваше благородие. Видать, это и есть болезнь, – бедняжка должна написать книгу. В ней вся её жизнь. Гляньте, тут в углу топчанчик... Приляжет на три часа и снова строчит. Хлеба ест крошки, как птичка, в воду еле носик окунёт... Меня, похоже-с, и не замечает.

Не прощаясь, Пьер повернулся и зашагал к выходу. Он недолго петлял по коридору, сзади торопливо семенил старик. У двери Пьер одёрнул мундир и надел кивер.

– Месье, мы забираем этот особняк для нужд армии императора французов, – сказал он как можно высокопарнее. – Сегодня вечером здесь разместится отряд его величества. У

вас есть время, чтобы забрать подопечную и уехать. Поверьте, я поступаю добрее других. Вы предупреждены. Если же девица останется здесь, я не поручусь за галантность солдат.

Отступив, дед в старческом гневе затряс головой.

– Сударь! Я же вам только что объяснил: её нельзя забирать! Она не уедет!

– Сожалею, – ухмыльнулся Пьер. – Но идёт война. Значит, мадемуазель вытащат отсюда силой, смею вас заверить, это не составит труда. Всего хорошего, и будьте добры...

Из его рта вдруг выплеснулось *красное*.

Пьер в изумлении опустил взгляд – из живота торчала рукоять кинжала. Старинная, с крупными готическими буквами и жёлтым оскаленным черепом. Ноги разом ослабли, – француз привалился к стене и медленно сполз на пол. Воздух перед глазами затянулся бледным туманом.

Что... что такое здесь происходит... этот старик... Мон дье, да он и не старик вовсе... Как Пьер мог принять его за деда? Ему не дашь и сорока – молодое лицо, крепкие скулы, небритый подбородок, жёлтые, как у волка, глаза... Вот только волосы остались прежними – длинные и белые, разбросанные по плечам.

Убийца присел рядом, достал из кармана фляжку.

– Хочешь? – Агарес протянул умирающему ёмкость. – Нет? Ну, дело твоё.

Запрокинув голову, он сделал солидный глоток.

– Вот, конечно, сейчас все меня осудят, – заявил демон, обращаясь в пространство. – Ужаснутся: какая же ты сволочь. Убил человека. Можно сказать, ни за что. А у него ведь семья, дети... Совесть тебя, скотину, обязательно замучает. Парень, ты детей не завёл ещё?

Теряющий сознание от боли и ужаса Пьер замотал головой.

– А, ну и славно! – обрадовался Агарес. – Знаешь, я честно пытаюсь быть добрым. Мне хоть и изредка, но иногда этого хочется, ввиду своего прошлого. Остатки крыльев чешутся, что ли. Вот давай рассудим трезво. Я мог без разговоров прирезать тебя на пороге, правда? Уже через секунду, как ты вошёл. Но нет – я пытался воззвать к твоей совести, объяснил бедственное положение девицы. Ты её пожалел, сука французская? Нет. Ну и какой мне выбор остался? Сам понимаешь. Обидно, что в Раю ангелы опять спесиво сплунут через крыло: ах, он не все методы задействовал. Надо было запугать карой Небесной, предложить помолиться, воззвать к любви.

Демон рассмеялся и дружески хлопнул француза по плечу. Тот поперхнулся кровью.

– Представляешь – ты и любовь, а? Да тут бы вечером рота драгун портянки сушила. Но Аду, мон шер, позарез надо, чтобы девчонка дописала книгу. Поэтому трогать её, – *Агарес с фальшивым сожалением цокнул языком*, – нельзя. Слушай, ты чего не умираешь-то? Извини, у меня куча дел, а я с тобой заболтался совсем. Будешь в Аду, заходи непременно, – я герцог Восточного сектора: там любого спросишь, все меня знают.

Агарес вытащил кинжал и ударил Пьера лезвием в глаз.

Взяв труп за ногу, он потащил тело офицера в дальний чулан с земляным полом. Здесь, на изрядной глубине, уже покоились останки трёх французов: тех, кто по разным причинам имел несчастье заглянуть в особняк на Мясницкой улице. Пусть полежит, пока свеженький, – он закопает мертвеца позже, сначала надо съездить на Арбат, повидаться со связным. А это нелегко – одинокий путник в почти пустом, сгоревшем городе однозначно привлекает к себе внимание: даже безобидному старичку проходу не дают. Волоча труп мимо кельи Настасьи, демон не заглянул внутрь. Во-первых, сейчас Настя всё равно его бы не увидела. Во-вторых, ему строго запрещалось смотреть в книгу. Этот приказ Дьявол отдал лично, а он не отличается любовью к шуткам.

Нет, юмор-то у него смешной, но слегка специфический.

Выйдя на улицу, он минут пять провозился с амбарным замком на двери: ключ никак не хотел поворачиваться. Для верности демон скрепил вход парой сатанинских заклинаний

шестнадцатого века, взглянул на небо и на секунду прикрыл глаза. Сверху хлопьями сыпался жирный пепел. Правда, чудесная погода в этом городе? Как в Аду, если не хуже. Впрочем, ему всё нравится. Любому приятно очутиться в милой домашней обстановке.

Агарес не знал, что в этот момент между строк рукописи, прямо на листе бумаги вдруг проявилось страшное лицо – синее, полупрозрачное, с круглыми, как у огромной мухи, глазами. Пасть чудовища открылась, и из её недр на Настю дохнуло огнём. Завизжав, девушка бросилась вон из кельи. Пламя, не мешкая, охватило стопку страниц, топчан для сна и бумаги на полу. Настасья, слыша позади треск огня, быстро оказалась у выхода. Она стучала, рвалась наружу и плакала, надрывно кашляя от удушающего смрада.

Входная дверь вдруг рассыпалась в мельчайшую пыль.

На пороге в клубах дыма стояло нечто загадочное. Огромное, закрывшее собой солнце. Удивительно – от него пахло чем-то сладким. Свежим. Просто невыносимо вкусным.

Насте ужасно захотелось спросить загадочного гостя: кто же он такой?

Но она так и не успела.

Глава 1

Спаситель

(Москва, 6 сентября 1812 года)

... Агарес не превращался в старичка без особой нужды. Безусловно, древнейшие демоны Ада владели искусством трансформации лицевых мышц, вот только боль от такого действия была сродни страданиям после пластической операции. Куда проще применить «зачарование» – да, действует всего пятнадцать минут, но зато внешность можно выбрать любую, хоть благообразного профессора, а хоть и пьяной торговки пирогами. С французскими патрулями Агарес сталкивался часто, особенно в центре города – они рыскали в поисках «поджигателей». Иногда помогали чары, иногда – нож с черепом на рукояти. Практичная вещь, думал демон, пробираясь между тлеющими кучами мусора на Мясницкой улице. И совершенно незаменимая в культурном общении. Если ведёшь спор, отточенное лезвие у горла заменит полсотни самых логичных аргументов. За годы работы в должности посланника Сатаны по особым поручениям он убил тысячи людей самых различных возрастов и профессий и не испытывал по этому поводу даже тени сожаления. «Кто из человекоподобных созданий ведёт подсчёт убитых им комаров и тем паче сожалеет об ушедших из жизни бедных маленьких кровососах? – спросил как-то Агарес одну миловидную маркитантку, с которой пил вино в таверне Амстердама во время Тридцатилетней войны. – Уж конечно, вам не снятся тельца убиенных с крыльшками, трепещущими в агонии, и вы не ставите в церкви свечки за упокой их безвинных душ». Маркитантку, кажется, впоследствии сожгли на костре. На допросе в инквизиции она даже не отрицала, что провела ночь за разговором со слугой Дьявола.

Хотя там ведь был не только разговор...

Он чувствовал себя в Москве как рыба в воде. Особенно сейчас. Настоящие декорации Ада – пепел, жар от горящих зданий, огонь и тьма. Исключительную радость доставляли обугленные церкви: тут демон не отказывался от удовольствия остановиться на безопасном расстоянии и минутку-другую подышать сладчайшим дымом пожарищ.

«Рога дьявольские, какая ж красота, – философствовал Агарес, упиваясь видом почерневших куполов церкви Успения. – Вот всё спешишь, бежишь куда-то, отказываешь себе в эстетическом наслаждении. А прекрасное – оно рядом, у тебя под боком. Стоит понять – ради этого я ночей не сплю. Остановись, мгновенье, ты прекрасно»¹. Впрочем, демону было известно – некоторые здания, как тот же Новодевичий монастырь, взяты под охрану ангелов. И он отлично знает – КТО ИМЕННО командует «крылатым эскадром». Выматерившись, Агарес двинулся дальше.

Мимо, цокая копытами, проскакал патруль кирасир.

Как и ожидалось, французы не обратили внимания на сгорбленного седого деда в грязном сюртуке. Красную рубаху с вышитой готическими буквами надписью *Demon Seigneur*² тоже не заметили – даже попадись она им на глаза, солдаты Наполеона посчитали бы её за подарок-шутку пьяных офицеров «Великой Армии». На подходе к Кремлю за спиной демона вдруг пачками застучали выстрелы, послышались крики.

Агарес от природы был любопытен. Сразу захотелось обернуться, но...

Он застыл на месте, глядя прямо перед собой. Демон не мог поверить в то, что видит.

¹ Агарес цитирует «Фауста» – трагедию Иоганна Вольфганга Гёте. Первое издание вышло в 1808 г., и Сатана рекомендовал её на литературных чтениях в Аду. – Здесь и далее примеч. автора.

² «Повелитель демонов» (франц.).

Улица начала *меняться*. Дома расплывались, искажая свои очертания, таяли, подобно снежным сугробам. Конные кирасиры исчезли – вместо них возникла светящаяся повозка, с жутким фырчанием испутившая клубы пара. Демон и рта не успел раскрыть, как подобными повозками заполнилась вся мостовая. В уши ворвалось истерическое дудение, скрежет по камням и вопли «Куда ты смотришь, придурок?!». Агарес готов был поклясться: буквально на его глазах здания по обе стороны улицы очистились от копоти, заблестели стёклами. Из ниоткуда проявились толпы нарядных, довольных и смеющихся прохожих. Дамочки под зонтиками, мужчины в матерчатых сюртуках, тянущие к ушам нечто вроде обрубков полена. Прямо на стенах домов внезапно замелькали движущиеся картинки. Демон, терзаясь паникой, запрокинул голову: в облаках над ним важно проплывал овальный предмет, напоминавший своим видом гигантскую сигару.

От бледного лица Агареса отхлынула кровь.

– Я не упаду в обморок, – пообещал сам себе демон. – Всё нормально. Я неосторожно увлёкся красочным зрелищем, вдохнул слишком много дыма горячей церкви, поэтому у меня начались галлюцинации. Один раз я случайно съел просвирку, так неделю пришлось прикладывать смоляные компрессы... А во снах ко мне являлся пьяный архангел Гавриил. Ничего страшного. Постою, подожду пять минут, проветрюсь... Всё обязательно пройдёт.

Однако его надеждам не суждено было сбыться.

Самодвижущиеся картины на стенах показывали полных радости людей – они жевали белые пластинки, запивая коричневой жидкостью с пузырьками из железных кубков. Светящиеся повозки сбились в кучу на перекрёстке и не могли сдвинуться с места: кучеры, высушившись в окошки, орала на непонятном языке – вроде бы русском, но с изрядной примесью французских слов. Всюду вспыхнули яркие огни. Демон едва не упал – у него внезапно закружилась голова. Он попятился и столкнулся с парой горожан – одетых вычурно, если не сказать пугающе. На одном были вытертые добела штаны из грубой ткани и вздутый камзол, другой же вальяжно расстегнул сюртук с полами до колен, а на на голову нацепил почти плоский кивер с козырьком задом наперёд.

– Сударь, – слабеющим голосом произнёс Агарес. – Окажите любезность...

Призраки переглянулись и расхохотались.

– Ты чо, мужик?! – гаркнул один из них. – Ближе к вечеру обкурился, что ли?

Отодвинув демона плечом, они двинулись дальше. Гаснущее сознание Агареса привычно отметило: видимо, это дворяне, раз приняли его за низшее сословие, крепостного мужика... Ну естественно, он так одет, будто только что вспахал засеянное им поле.

– Я не курю, – тупо сказал демон вслед горожанам. – Но вероятно, я заболел.

Он перешёл улицу (пару раз чуть не попав под светящиеся повозки). Ощупал стену, не видя вокруг ничего, – окружающая действительность слилась в сплошной блеск и гудение, отражаясь треском и смехом, вспышками разноцветных огней. Но что же это вообще...

ВРАТА АДА! ПРЕИСПОДНЯЯ! ВЕЛИКИЙ САТАНА!

Агарес стоял рядом с церковью Успения. Той самой, на чьи почерневшие купола он с удовольствием взирал всего пять минут назад. Только теперь она выглядела новенькой, буквально с иголочки, и пахла свежей краской. Но не это было самым чудовищным. Агарес внезапно осознал: **ОН НЕ ИСПЫТЫВАЕТ БОЛИ И ТОШНОТЫ**. Мозг ничего не терзает, руки не трясутся, а во рту нет отвратительного, отдающего серебром привкуса святой воды. **СУМА-ШЕСТВИЕ**. Повинуясь неясному инстинкту, демон, шатаясь, поднялся по лестнице и вошёл внутрь. Тёмное помещение, огоньки свечей.

Ноги Агареса подкосились.

Падая, он схватился за стену. И сейчас же отёрнул руку – ладонь прикоснулась к иконе. Однако не это испугало демона. Он не чувствовал сильного разряда молнии с покалываниями. Не видел вспышку огня. Не ощущал даже легчайшего жжения.

– В такую мать, – культурно и тишайше произнёс Агарес. – Что здесь происходит? Он хотел сказать ещё много всего, но слова застряли у него в горле.

Рядом остановился человек в чёрной рясе, с большой окладистой бородой.

– Сын мой, ты пришёл помолиться?

В ушах демона зазвучали погребальные колокола. Ему стало нечем дышать, – немеющей рукой Агарес разорвал ворот рубахи. Правда, ситуацию это ничуть не улучшило.

– На хер молиться... – прохрипел он. – Убирайся... я герцог Ада... слуга Дьявола...

– Слуга кого?! – услышал он удивлённый голос. – Сын мой, кто такой этот Дьявол?

Мир в голове демона раскололся вместе с последними остатками самоуверенности.

– Как «кто»?.. – пролепетал он, глядя в лицо священнику. – Дьявол. Самаэль. Люцифер.

На его лоб легла прохладная ладонь, пахнувшая воском.

– Люцифер? – переспросил бородач. – Главный ангел добра и правая рука Господня? Ну, так сын мой... Все мы смиренные слуги Небес. Тебе нужна чудотворная икона? Смотри.

Он с нежнейшей аккуратностью взял Агареса за локоть – и тот безвольно повиновался. Демон окончательно убедился: у него горячечный бред, вызванный вдыханием частиц пепла сгоревшей церкви. Надо только ждать, когда наваждение развеется. Сам виноват – потерял бдительность, встал слишком близко к костру. А это, знаете ли, хуже просвирки. Помнится, демона Мезезита, что на схожем пожаре наглотался дыма горящих икон, впоследствии всем Адом с ложечки серой отпаивали – бедняга криком кричал, будто ладаном одержимый, уснуть не мог, над тазиком святой водой тошнило, целыми страницами Библию цитировал. Однако, пройдя всего пять шагов, Агарес остановился – как вкопанный. Нет, ну это уже слишком даже для галлюцинации.

С иконы в серебряном окладе на него смотрел Дьявол.

Князь тьмы был благостен и безопасен, как постное масло. Будучи безрог, бесхвост и уж наверняка бескопытен, он взирал на оцепеневшего Агареса с таким сладчайшим елеем во взгляде, что демона едва не вывернуло наизнанку. Плечи Сатаны покрывала белоснежная ткань хитона, а над головой блистало божественным светом круглое колечко – нимб.

– Помолись ему, – ласково шепнул священник. – Святой Люцифер заберёт твои горести. Он наш Спаситель, пожертвовавший собой во имя вечного блага и счастья людского.

– Обяз-зательно, – икнул демон. – Сатана н-наш, иже еси на небеси...

Он не помнил, как оказался на улице. Голова горела огнём. Мысли спутались в клубок.

Внезапно спину разорвала боль. Страшнейшая – как никогда раньше.

Перед тем как потерять сознание, Агарес с паническим ужасом понял её причину.

У него начали резаться крылья...

Глава 2

Затмение

(Москва, 12 сентября 1812 года)

... Демон открыл глаза. Первое, что он увидел, – потолок, и это не особенно его удивило. Большинство пробудившихся от сна встречаются взглядом с потолком – если, конечно, они не уснули на боку. Сверху вниз шли четыре коринфские колонны, из чего Агарес заключил: он в богатом доме. Либо среди купцов, либо среди дворян.

Приподнявшись на локте, он осторожно оглянулся.

Демон возлежал на кровати – довольно удобной и мягкой, покрытой светло-голубыми простынями. По бокам стояла парочка вычурных кресел, а в глубине, ближе к окну (закрытому шторами), за письменным столом сидел человек. Агарес подался вперёд, пытаясь понять, что же тот делает. Незнакомец тыкал пальцами в загадочное приспособление: оно мигало хозяину в ответ короткими вспышками бледного света. «Колдовство», – подумал демон, и ему стало чуточку спокойнее на душе. Он сам обожал на досуге создавать эликсиры из паучьих глаз и жабьей желчи, вдыхая чарующий запах древнего мха шотландских болот. Если он находится в плену, а человек за столом колдун – проще будет договориться. Пообещает ему власть над миром, вечную молодость, умение превращать говно в золото (ну или что тот сам выберет), и дело будет решено.

Обещать же, как известно, не жениться.

Колдун обернулся – и демон сразу отметил, что у того неестественно белое лицо.

– Очнулся? – спросил незнакомец. – Вот и замечательно. Шесть дней провалялся, я уж думал – совсем дела плохи. Понимаю тебя. Признаюсь – когда всё ЭТО началось, я сам едва не рехнулся. Правда, в твоём нынешнем состоянии есть свои бонусы... и скоро ты это поймёшь. Давай обойдёмся без драк и взаимных оскорблений, мы не виделись больше двадцати тысяч лет. Самое главное, постарайся осознать, *брат*, – ты теперь ангел.

Красочные воспоминания пчелиным роем ворвались в мозг Агареса.

Он приподнялся с кровати и тотчас со стоном повалился обратно. Тяжесть *крыльев* тянула его назад. Перья отвратительно шуршали, отдавая запахом распотрошённой подушки. Демон классом пониже лишился бы разума сразу и бесповоротно, но Агарес за время своей битвы с добром прошёл через серебро и святую воду. Он достаточно древний демон (а не какой-нибудь вшивый *карниван*³), и опыта ему не занимать. Да, у него есть крылья. Он не страдает от присутствия собственного брата, не ощущает потребности вдыхать пары серы. Он видел икону с изображением Дьявола. Это не галлюцинации.

Остается лишь разобраться – что же случилось.

– Я жажду объяснений, – спокойно сказал он существу за столом. – Если за шесть дней моего забвения Рай захватил власть, я хотел бы узнать – как именно это произошло.

Серебряная маска Аваддона тускло блеснула.

– Все гораздо хуже, дорогой мой братец, – сообщил ангел скучным голосом. – Как и ты, я шестого сентября находился в Москве и воочию видел *перерождение*. Город полностью изменился на моих глазах. Появились новые здания, исчезли лошади, люди заговорили на небывало странном языке, а воздух заполонили белые цилиндры. Я было решил, что нас перенесло в будущее в ходе природного катаклизма. Но нет... Пришлось специально проверить, – *он кивнул в сторону светящегося приспособления на столе*, – сейчас 1812 год от первого Явления на

³ Один из низших демонов по иерархии должностей в Аду.

Земле... Хм, давай пока не будем уточнять, кого именно. В растерянности я воззвал к Господу, но ответа с Небес не удостоился.

Демон привычно зажмурился, однако удара молнией при имени Божьем не последовало. «Чёрт возьми, да жить в ангельской шкуре по-своему неплохо», – усмехнулся он.

– И? – в единственную букву Агарес вложил максимум своего любопытства.

– *Чтица*, – спокойно сообщил Аваддон. – Девушка, которую ты охранял в Москве. Она исчезла вскоре после твоего ухода. Я лично это видел. Барышня попросту открыла дверь и испарилась в дыму. А уже после этого мир *мутировал*... В то самое, что есть сейчас.

– Испарилась? – дёрнул крыльями Агарес. – Но... Настя не могла выйти на улицу! Я проторчал рядом с ней целых три месяца... И для неё не существовало ничего, кроме книги. Кроме того, вход в особняк я самолично запечатал парой особых заклинаний!

– Это не имеет значения, – вздохнул Аваддон. – У меня есть только одна мысль. Пропажа *чтицы* что-то изменила в далёком прошлом. В самом-самом начале времён, когда мы оба пребывали в Раю в качестве ангелов. И не корчи такую страшную рожу – да-да, ты не всегда работал в подземельях. Так вот, из нынешнего состояния Москвы можно сделать следующие выводы: восстание Люцифера на Небесах не состоялось, твой голубчик с рогами не был низвергнут на Землю вместе с падшими ангелами. Ада нет, ты понимаешь?

Глаза демона округлились.

– Как нет?!

– Ааааааааа, – улыбнулся под маской Аваддон. – Вот это, любезный, до тебя дошло. Если Сатана не появился, то нет и бездны Ада, и ссылки туда грешных душ. Зло как таковое не сформировалось. И то, что Дьявол не восстал как царь чёрных сил, изменило мировую историю. Буду с тобой откровенен: с той самой революции на Небесах мы только и делали, что боролись со злом. Сочиняли, где вас уязвить, как сбережь невинную душу от соращения, вразумляли ведьм, оборачивали демонов лентами со словами Священного Писания.

– Это больно.

– Я знаю.

Аваддон немного помолчал, глядя в потолок.

– А если Дьявола в наличии нет, – продолжил ангел, – то у святой нашей матери-церкви стало куда меньше работы. Сваливать проблемы больше не на кого. Даже понятие греха и то улетучилось – ибо если существует только Рай, куда ещё ты сможешь попасть после смерти, как бы плохо себя ни вёл? Колдуны исчезли. Самые убогие ведьмы в деревнях также не оформились – кого ж им целовать под хвостом после шабаша? Серафима или архангела? Как результат – святая инквизиция не появилась на свет. Судьбы многих известных людей пошли наперекосяк. Торквемада закончил жизнь, работая в детской кондитерской. Галилей легко доказал, что Земля вертится, – ведь ему ничего не грозило. Джордано Бруно и Ян Гус избежали костра, а Николай Коперник мирно преподавал астрономию папе римскому. Да-да, у меня самого голова идёт кругом. Таким образом, инквизиция не мешала научной мысли. И развитие Земли ускорилось...

Агарес весьма цинично ухмыльнулся.

– Сатана вообще не знал о житье Галилея, – произнёс он, почёсывая крыло. – У нас в Аду столько дел, что мы не интересуемся вращением Земли и прочими научными открытиями. Вот ответь мне, ты хоть однажды в пятничную ночь превращал летучую мышь в суслика?

– Нет, – отозвался ангел из-под маски. – А зачем?

– Для практики колдовства, – объяснил Агарес. – Все демоны низших классов с этого начинают. Иногда не суслик получается, а жаба. И тогда надо на дополнительные курсы идти. А если дурак *соннелон* смешает серу с побегами бамбука на кладбище, то...

– Знаешь, хватит, – бесцеремонно прервал его Аваддон. – Господь Всемогущий не имел никакого отношения к действиям инквизиции. Это сугубо церковная самодеятельность.

– О да, – сочувственно кивнул демон. – Господь Всемогущий в вашей версии бытия даже за прогноз погоды не отвечает. Так оно удобнее, а случись что – так это ж козни Дьявола.

Ангел неожиданно засмеялся – сухим, скрипучим смехом.

– А вот тут я с тобой соглашусь, – сказал он. – Сущность добра – борьба со злом. Иначе добро теряет всякий смысл. Однако мы отвлеклись от темы. Никакой охоты на ведьм. Никаких аутодафе и других публичных сожжений. Сплошная благодать и счастье. Ну что ж... уже в конце пятнадцатого века Леонардо да Винчи поднялся в небо на первом *вертолётe*, Ломоносов почти сто лет назад изобрёл *радио* и *телевидение*, а Кулибин сконструировал первый *космоплавательный* корабль и отправил отряд космических матросов на Луну. Объективно говоря, по уровню развития мы с тобой сейчас находимся не в XIX, а где-то в середине XXI века. Причём, как я понял из *Интернета*, – *ангел вновь кивнул на светящееся приспособление на столе*, – одни вещи развились прекрасно, а другие остались на среднем уровне. Например, пассажиры тут летают между городами при помощи газовых *дирижаблей*, а ездят на питаемых углём паровозах. Здесь есть скорострельные ружья, но пушки, как и в наше с тобой время, стреляют ядрами. В общем, совершенно дикая смесь. Крылья едва не отвалились, пока я в ситуации разобрался.

Демон с уважением глянул на колдовской *Интернет*.

– Ты говоришь странные слова, и я не должен их понимать. Но понимаю. Почему?

– А, тут проще простого. В купеческих лавках есть множество *электронных* словарей. Обезболивающий укол, вставляешь *чип* в десну – и всё, автоматически понимаешь язык. Я тебе вживил словарь современного русского, да и шесть других заодно. Извини, разрешения не счёл нужным спрашивать, ты однозначно пребывал в полном отрубe.

Демон встал с постели – как из гроба. Волоча за собой тяжёлые крылья, подошёл к окну, отёрнул штору. Минут десять, не отрываясь, он взирал на огни рекламы и высотные здания за стеклом. Под конец его взгляд задержался на неповоротливом голубом дирижабле с вензелем Наполеона Первого, сонно проплывавшем в городском небе. Витыми славянскими буквами на борту было тщательно, ученически выведено:

МЕРСИ ЗА ОККУПАЦИЮ!

Фырча мотором, внизу проехал французский паромобиль. Нарядно одетые аристократы махали ему руками. Молоденький капитан, привстав на сиденье, церемонно раскланялся.

– Я ни хера не понимаю, – сказал Агарес. – История изменилась, но Россия по-прежнему воюет с Францией? Но где в таком случае Кутузов, и отчего Москва не горит?

– Кутузов, как я прочёл в *Интернете*, сейчас усиленно прорабатывает свою пиар-кампанию в бизнес-центре «Фили», – туманно объяснил ангел. – Нанял новых специалистов по менеджменту и тестирует рекламу на зиму. Да, война формально объявлена, – французы после серии побед на конкурсе в рекламном фестивале при Бородино заняли Москву, а Наполеон квартирует в Кремле, но при этом жители не разбежались прочь из города. Видишь ли, влияние французской культуры в России слишком сильно. Сам убедись – дамы разряжены по последней вражеской моде, льют на себя тонны духов из Парижа. Все уровни населения говорят по-французски, у кинотеатров с французскими фильмами стоят очереди, а молодежь с рождения мечтает работать и тусовать во Франции. Короче, патриотизм есть, но довольно условный. Поэтому «Великая Армия» легко дошла до Белокаменной, хотя потом завязла. Дороги здесь ужасные.

– Есть вещи, которые в России никогда не меняются... – философски заметил демон.

– Согласен, – кивнул ангел. – Посему война ведётся вяло и в основном виртуально. Такой сейчас век – чтобы завоевать страну, больше не нужна огромная армия и новейшее оружие: достаточно культурного порабощения. Жители и так мечтают стать французами, так чего морочиться с объявлением войны и штурмом городов? Патриарх Руси слишком поздно это понял и посему срочно запросил в МВФ кредит на рекламу.

Демону впервые в жизни захотелось сдохнуть.

– Ну да, какие ещё войны могут быть в мире добра, – проворчал он. – Только добрые, а если уж перережешь кому горло, изволь вытереть нож лепестками роз. Ладно, с этим разобрались. Теперь расскажи мне о мироустройстве. Кто сейчас самый главный?

За последующие двадцать минут Агарес узнал, что сын мелкого пиарщика с Корсики Наполеон Бонапарт владеет всей Европой, и под него «легли» лучшие рекламные конторы с самым талантливым персоналом, в том числе в Пруссии и Испании. Основной талант Наполеона – если он и проигрывает битву с разгромным счётом, то гениально преподносит её прессе как свой выигрыш, поэтому воевать с ним нет никакого смысла. На Бонапарта работает тьма лучших пиар-агентов, а банки наперегонки сыплют в карманы кредиты. Шансы же Кутузова финансовые агентства Европы оценивают как «бесперспективные», фельдмаршалу присвоен рейтинг «С» (то есть совсем провальный). Мало того, что у князя один глаз и телевизор он смотрит в два раза медленнее, так и финансовая мощь Святой Руси оставляет желать лучшего. Да-да, это официальное название нынешней страны, тут больше нет должности царя. Глава государства – Патриарх, как в Италии папа римский, в Британии – архиепископ Кентерберийский, а в Турции – халиф. Считается, что высшая власть добра – духовная, Господь же и верный слуга его Люцифер милостиво управляют миром через своих заместителей на Земле. Ну и так, дополнительная информация «на закуску» – колонизация Америки не состоялась: и Северной, и Южной частью теперь владеет могущественная Ацтекская Республика имени Кетцалькоатля.

Демон почувствовал, что ему хватит, – мозг уже разрывался от тонны новостей.

Он рывком задёрнул шторы.

– Как ты меня нашёл?

– Довольно просто, – чувствовалось, что Аваддон вновь улыбается под маской. – Я понимал: едва ты засечёшь повсеместное торжество добра и превращение мерзкого Сатаны в смиренного ангела Господня, у тебя определённо съедет крыша. Поразмыслив, я телефонировал в несколько психиатрических лечебниц и дал твоё описание. Тебя доставили в госпиталь архангела Михаила у станции метро «Эдемская-Воскресная». К счастью, крыльев никто не заметил, – в случае опасности они сами собой втягиваются в тело. Я тебе покажу, система в принципе простейшая. А сейчас собирайся.

– Куда? – непонимающе моргнул Агарес.

– Нам пора на совещание в Рай – точнее, в официальное земное представительство. Кстати, там будет и сам Люцифер. Полагаю, – *в тоне Аваддона почувствовалось откровенное ехидство*, – ты будешь счастлив повидаться со старым другом. Достань из шкафа в прихожей запасной хитон, сандалии и планшет с интерактивной Библией. Печать глубокой радости на лицо – и вперёд, в райские кущи.

– Сука ты и говно, – уныло буркнул Агарес. – Грешно смеяться над больными демонами.

Он открыл шкаф, вяло, с отвращением изучил хитоны на вешалках. Аваддон наслаждался моментом, развалившись на стуле и мелко трепеща крыльями от смеха.

– Разорвал бы всё в клочки, – признался демон. – Как меня тошнит от вашей благодати!

Агарес обречённо потянул шёлковую ткань хитона и вдруг замер.

– Слушай, – спросил он Аваддона. – А что ты-то делал в Москве? И почему наблюдал за обителью *чтицы*? Вот весьма любопытно было бы это узнать.

Аваддон медленно стянул маску.

– Интересный вопрос. – Глаза ангела заволочла чёрная муть. – Мне приказали её убить...

Апокриф первый

«Встреча в ночи»

...Он долго шёл по лесу. Многократно оглядывался, но за ним, как и в прошлые разы, никто не следил. Вот скажите, зачем создавать такой огромный сад? Уму непостижимо. Лианы, баобабы, красные цветки – как громадные пасти, желающие его пожрать. Темно. Удивительно, что он видит. Хотя ему уже не в новинку ориентироваться по деревьям: сначала надо пройти манговую рощу, после свернуть к хлебной пальме, а оттуда уже двигаться к ручью по тропинке, отмеченной копытцами антилоп. Подумать только, как тут жарко...

Он остановился, вытер пот. Кусты зашевелились – из зарослей вальяжно вышел тигр.

Человек не выказал ни малейшего страха.

Он вообще не боялся зверей. «Замечательное создание», – подумал гость джунглей и подманил к себе хищника. Тигр подошёл вплотную. Мурлыкая, уткнулся в колено. «Потрясающий красавчик, – восхитился человек. – И лев ещё – тоже отличный. Носорог определённо могучий и величественный. А вот к чему здесь шакалы и утконосы? И не лень же было Ему». Он почесал тигра за ухом. Тот, заурчав, всем своим видом выразил крайнее удовольствие, даже сделал бесстыдную попытку повалиться на спину. «Интересно, чем питается сей великолепный зверь? – строил догадки путешественник. – Наверное, бананами... В крайнем случае – помидорами. Чудо, подобное цветку, не знает вкуса крови».

Человек продолжил свой путь среди джунглей – не слыша, как тигр в прыжке сломал позвоночник антилопе, пробиравшейся на водопой. Хищник не напал на незнакомца сугубо по одной-единственной причине. Он понятия не имел, с кем имеет дело. Хотя в мире всё довольно просто. Есть свой вид, с которым можно вести любовные игры. А вот остальное – еда.

Пробираясь сквозь лианы, взирая на коричневых порхающих бабочек, незнакомец понимал: мир несовершенен. Хотя так думать НЕЛЬЗЯ. Но почему сейчас здесь так влажно, что по телу струится пот, а в других местах – сухо или, наоборот, морозно? Разве нельзя было, создавая Землю, установить везде одинаковую погоду: ведь это намного проще! Инстинктивно хлопнув себя по зудящей щеке, он убил москита и содрогнулся. Ну вот, опять. А что, если узнает Повелитель? Такие действия Ему уж наверняка не понравятся.

Лесному путешественнику и без того слишком многого НЕЛЬЗЯ.

Покидать дозволенные пределы. Видеться с теми, с кем хочет. Терзать Его своим неуёмным любопытством. Особенно по поводу... нет, нет, нет и снова нет. Высоко в небе прогремели раскаты грома. Хм, то же самое – зачем он нужен? Бесчисленное количество

вопросов, вечно остающихся без ответа. Так, а вот и ручей. В воде замелькали серебристые полоски – тельца форелей. И как узнаешь – кусаются они или нет? Загадочный мир. Муторный и одновременно захватывающий. Трубный зов из глубины чащи заставил чужака вздрогнуть. Да, он помнит этого зверя, видел его наяву. Громадный, серый и страшный, с чудовищными передними клыками и извивающимся носом-змеей. Увидишь – так зуб на зуб не попадает. Правда, монстр не проявлял к нему ни малейшего интереса, объедая с помощью гибкого носа верхушки пальм. Ха-ха, маскируется. Но это явная показуха со стороны бывшего хищника. Небось потеряй он бдительность, подойди поближе, как зловещий слон в секунду его слопают.

На берег ручья лениво выполз двухметровый аллигатор.

«Симпатичный тритончик, – усмехнулся незнакомец. – Но что-то меня волнует. А, его спина. Видимо, очень крепкая кожа. Если мне понадобится далеко идти и взять с собой еду... Из такой кожицы можно изготовить хорошую сумку для бананов – ни за что не разорвётся». Он перешёл ручей по аллигатору, как по мостику, – щитки на шкуре неприятно врезались в босые ноги. Рептилия повернула голову и посмотрела вслед. Обладая крокодил речью, он сказал бы очень многое. А может, не тратил бы слов напрасну, а взял бы и с удовольствием перекусил наглеца пополам, но... Вдруг тот набросится на него в ответ? Нет уж. Погрузив хвост в ручей, аллигатор аналогично задумался о несовершенстве сотворённой Земли. Ещё недавно он боялся даже белочек – пока не выяснил, что они беспомощны, имеют возбуждающе хрустящие косточки и нежны на вкус. Но это существо... Оно настораживает. Крокодилу невесть почему чудилось: двуногого монстра стоит бояться. Кто его знает, вдруг в далёком будущем этот недомерок станет разводить его собратьев как бессловесный скот, дабы сдирать с них шкуры, превращая кожу в сумки для своих самок и покрытия их ступней. Аллигатор в ужасе клацнул зубами.

Нет-нет, привидится же такое.

...Незнакомец шёл дальше. Он столкнулся со стайкой страусов, обогнул сонного тапира и спугнул стаю краснохвостых попугаев. «Очень мило, – подумал он. – Жаль, что возможность запечатлеть этих прелестных созданий существует только в моей памяти. Джунгли прекрасны ночью». Путешественник вновь поблагодарил Отца за возможность видеть в темноте. Иначе он не нашёл бы того, что сейчас ему нужнее всего. О, наконец-то. Искомая поляна в окружении кокосовых пальм, с земляничными кустиками, выглядывающими из-под листьев папоротников, радующая ароматом диких цветов. Первозданная в своей красоте. Послышался треск гремучих змей – не слишком разбиравшихся, для чего им надо трещать. «Какое у Него воображение, – мысленно восхитился незнакомец. – Интересно, удалось бы сотворить такое мне, попади я хоть единожды на Его место?»

– Надеюсь, за тобой никто не следил?

Тихий голос доносился из мангровых зарослей. Путник улыбнулся – до ушей.

– Нет, конечно же. Думаю, у нас есть время до самого утра.

Она вышла навстречу – полностью обнажённая. Облизнула припухшие губы.

– Отлично, – сказала девушка. – Значит, мы снова найдём себе занятие по душе.

Подойдя вплотную, она прижалась к нему. Тело человека сотрясла дрожь.

– Что ты хочешь узнать сегодня? – спросила она.

– А... – У него словно ком застрял в горле. Хотя, двигаясь сквозь тёмный лес, он представлял себе десятки разнообразных картин – что они делают, где именно и сколько раз подряд.

Девушка знала – он всегда стеснителен и заторможен.

– Ладно, – усмехнулась она. – Позволь мне выбрать.

...Как обычно, она выбрала лучшее. Он не ведал, как называть её действия, но всё было за пределами ожиданий. Яростное сплетение тел, сладострастные стоны, краткий отдых и новый всплеск сумасшедшего наслаждения. Под тяжестью тел хрустели панцири улиток, а гремучие змеи отползли на край поляны, впад в состояние первобытного страха. В такие моменты ему искренне хотелось умереть. Ведь, наверное, лучше уже никогда не будет.

Он был прав. Но ошибался в другом факте – в том, что за ними никто не следил...

Глава 3

Станция «Люциферская» (Москва, 12 сентября 1812 г.)

... Демон с любопытством рассматривал подошедший к перрону поезд. Паровоз из хромированного металла, мощно загудев, выпустил к потолку станции столб белого пара. Стало душно, как в бане, – по кафельной плитке поползли капельки воды. Стены метро украшала роспись по мотивам «Ветхого Завета»: особо художникам удалось масштабные сцены в центре зала – уничтожение Господом Содома и Гоморры. Бог проливал огонь и серу с небес, жители паскудных городов горели заживо, праведник Лот со своим семейством бежал куда глаза глядят. Агарес с приятной лёгкостью осознал: в прежние времена его бы тут так расколбасило разрядами молний, что после даже массаж в исполнении десятка голых восемнадцатилетних сатанисток вряд ли бы помог.

Двери бесшумно раскрылись. Братья влезли в овальный вагон, еле протиснувшись среди плотно стоящих пассажиров, и разом окунулись в запахи пластмассы, пота и пороха. Демон отметил: это не сильно удобный вид транспорта.

– А почему мы не взяли извозчика? – поинтересовался Агарес.

– Пробки, – кратко ответил Аваддон. – Странно, что они их так называют, да? Воображение сразу рисует улицу, забитую горами пробок из-под шампанского, где безнадежно увязли повозки с предсмертно ржущими лошадьми. Скажу тебе как на духу, пусть я, само собой, до безумия рад победе сил добра, прежний мир имел свои плюсы. Там, по крайней мере, повозки по всем проспектам ездили совершенно свободно.

Демон мрачно кивнул. Спина по причине наличия крыльев страшно чесалась, а одежда – тёмно-синие штаны из грубой ткани и цветастая рубашка (плюс ангельский форменный хитон в качестве нижнего белья) – заставляла его чувствовать себя дрессированным верблюдом, на чью спину бросили тесную попону. Аваддон облачился в деловой костюм кремового цвета, глаза ангела скрывали большие тёмные очки. Пассажиры не особенно утруждали себя эмоциями, они ехали молча, уткнувшись в телефоны и планшеты. Лишь на двух французских полицейских в отглаженной форме, оживлённо беседовавших у схемы метро, люди поглядывали с некоторым раздражением.

– Я смотрю, простонародье французов и в этой реальности не любит, – заметил Агарес.

– Ты же знаешь, – сказал Аваддон, – тут исторически в гробу видели представителей власти, какой бы она не была. А эти ещё и иностранцы. Вечерами жандармы опасаются в метро ездить: можно нарваться на партизан из байкеров Давыдова и по роже огрести совсем не по-французски. Даже пакет из «Ашана» – и то держать небезопасно. Хотя под Наполеона одеваться любят. Глянь, сколько народу тусуется в фальшивых «сюртуках от Диора», а у каждой второй девушки – поддельная сумочка «Луи Бонапарт»⁴.

Агарес промолчал. Голову не покидала мысль, что он сошёл с ума или на худой конец впал в беспамятство на конопляном поле. В то же время от его внимания не ускользнуло – ни на одном из пассажиров не было крестов. Это вселило в демона слабую, но надежду.

Название станций объявляли по-русски и по-французски.

Как только подъехали к «Люциферской», Аваддон тронул Агареса за рукав.

– Выходим.

Они взбежали по лестнице на улицу, каковая ранее, на памяти демона, называлась Лубянской. Теперь же синяя стрелка с надписью указывала: «Боголюбская». В небе всё так же с досто-

⁴ В оригинальной реальности – родной брат Наполеона Бонапарта.

инством парили французские рекламные дирижабли. В этот раз Агарес уставился на картину с изображением императора французов, машущего треуголкой:

ПЛАН НАПОЛЕОНА – ПОБЕДА РОССИИ!

– Слушай, – осенило демона. – А царь-батюшка куда делся?

– Я ж тебе говорил – царя с давних времён нет, – пояснил Аваддон, ведя демона мимо купчих с крем-брюле. – Ещё Ярослав Боголюбец провозгласил себя первым Патриархом, а парламент в качестве Боярской Думы существует со времён Ивана Милосердного. Нынешний Патриарх формально против французского засилья, взывает к патриотизму, ежедневному потреблению кваса и прочему культурному сопротивлению, например, склонил на свою сторону крупнейшее славянское пиар-агентство «Суркье-Имидж». Но все знают: у него дочери учатся в Париже, бабло в корсиканском банке и паромобиль «Ситроен». Так что пардон – тут даже имени главы государства толком никто не вспомнит.

В центре улицы включился плазменный экран.

– Иногда пашешь в поле спозаранку, так проголодаисси, шо усе мысли тока о хавчике, – заголосил на всю улицу конопатый деревенский парень с носом картошкой. – И шо ж делать-то душе православной? Ответ прост: лягушата быстрого приготовления! – *Хруст извлечённого пакетика.* – Суп рататуй! Полон лягушек – съел, и порядок!

Агарес остановился, едва не сбив с ног даму с кружевным зонтиком.

– Слушай, да это же просто пиздец какой-то, – констатировал демон.

– А когда тут было иначе? – парировал Аваддон. – Ничего, со временем привыкнешь.

Однако Агаресу не давала покоя прежняя мысль.

– Я пока не увидел ни одного креста. Скажи мне... это то, что я думаю?

Ангел депрессивно вздохнул.

– Да, распятия в Иерусалиме не случилось. Зачем Богу появляться на Земле, если у него тут орудует любимец и преемник – Люцифер? Святейший из ангелов, известный с сотворения мира своими кротостью и благочестием. И для чего умирать за грехи людские, если в природе нет Дьявола и абсолютно некому подбивать потомков Адама на гнусные поступки? Посему, на данный момент Самаэль – официальный заместитель Господа, если тебе угодно. Он умеет исцелять больных прикосновением, воскрешает мёртвых, а также творит самое популярное в человеческом обществе чудо – взмахом руки превращает воду в вино, нефилтрованное пиво и коктейль «мохито».

– Похоже, я сейчас буду блевать, – честно предупредил демон. – В организме образовался передоз святости. Велика вероятность, что я не выживу в мире, где Дьявол благословляет церковные праздники и печёт пирожки для сироток в приюте. Тем более я фактически бомж, мне даже податься некуда, ввиду отсутствия Ада.

– Ты ангел Господень, и место твоё – в Раю, – с изрядной порцией яда ответил Аваддон. – А сейчас плесни себе в физиономию хоть немного радости – мы прибыли на нашу общую работу.

...Тайный офис Рая на Земле представлял собой голубой (с белой лепниной) дворянский теремок – разумеется, трёхэтажный, с треугольной же крышей и табличкой «Корпорация «Эдем» на входе. Они поднялись по мраморной лестнице на третий (естественно) этаж, миновав статуи грустных ангелов и повергшую Агареса в шок скульптурную композицию «Святая Троица» – Бог Отец, Люцифер-ангел и Бог Дух Святой. Открыв дверь из свячёного дуба, Аваддон кивнул пожилой праведнице в светлом одеянии и протянул пластиковую карточку с кодом доступа. Постучав по компьютерной клавиатуре, бабушка пригласила братьев в раздевалку, где оба сняли верхнюю одежду, оставшись в ангельских «спецовках»-хитонах. В конференц-зале Агарес с ненавистью обозрел целую толпу ангелов и ангелиц, обсуждавших детали предстоящего совещания. Постоянное махание крыльями создавало ощущение визита на завод вентиляторов. «Парочку пушечных ядер сюда, – мечтательно взгрустнул демон. – Вот перьев бы

было...» Он никак не мог воспринять действительность всерьёз – ему казалось, он находится во сне. Очень чётком и осязательном, весьма похожим на явь.

– Мир вам, братья и сёстры. Да пребудет с вами спокойствие и милое добро.

Демон оцепенел, увидев Люцифера. Бывший князь тьмы вблизи выглядел ещё хуже, чем на иконе. С сахарной улыбкой благословив собравшихся, он двинулся к бархатному креслу с высокой спинкой. Лицо Сатаны светилось, будто лампада, на шее покачивалась крохотная шкатулочка, – как ранее объяснил Аваддон, точная копия Ковчега Завета. Хитон радовал глаз снежной белизной, а ноги Люцифера обвивали ремешки грубых крестьянских сандалий. Он выглядел умудрённым жизнью благообразным старцем, полным скромности, целомудрия и целого мешка прочих добродетелей. Демон поперхнулся. Он отлично помнил Сатану в горячей ванне вместе с обмирающими от счастья голыми девицами, рассказывающего скабрёзные анекдоты, вставившего в копыто ножку бокала отличной гданской водки. Обернувшись к Аваддону, Агарес отметил, что и ангел не слишком-то торжествует, его лицо застыло камнем, а кожа на скулах натянулась. «Вот он, конец света, – искрой вспыхнуло в голове демона. – Приехали».

Люцифер изящно вспорхнул на сиденье кресла.

– Господь всемилостивейший в неизмеримой доброте своей поручил мне провести сегодняшний совет, – проблеял он голосом, напоминающим соло на старой скрипке. – Сейчас, пернатые друзья, мы с вами обсудим, кто за сегодняшний день совершил больше добра? Победитель получит приз в виде набора свечей «Нежный праведник», а также берестяную корзиночку «Благочестие», плетённую инокинями Новодевичьего монастыря.

Агарес с садизмом в душе утвердился в мысли: Аваддон не в восторге от новой ипостаси Сатаны.

– Вот, к примеру, ты, Нафанаил, – обратился Люцифер к упитанному ангелу, явно взращённому на нектаре райских куш. – Что поведаешь нам сегодня о моментах счастья?

Тот радостно затрепетал крылышками.

– Благодетель наш святой! – возликовал Нафанаил. – Спасибо за твою кротость. Ныне я, принявши лик человеческий, перевёл через дорогу с утра раннего пятнадцать старушек, божьих одуванчиков. Одна не хотела идти, твердила, ей в другую сторону, за хлебушком – пришлось подтолкнуть немного. Ах, как возрадуется Господь-то наш милостивый! А ещё, братик мой Люциферушка, после бабулек заглянул я в детский приют, и там сироток бедненьких сладчайшим персиковым мармеладом оделил, всех-всех до единого!

Из глаз Люцифера ручьями потекли слёзы.

– Ой, лапочка моя чудесная. То-то радость нам сегодня в Раю, бабушки с мармеладом!

Из динамиков в стенах зазвучал детский хор с песней «Коль славен наш Господь». Ангелы дружно зааплодировали, по традиции хлопая одновременно руками и крыльями. Некоторые прослезились, достав кружевные платки с вышитым профилем Люцифера. Нафанаил плакал навзрыд, гордясь собой. Прервав всхлипывания, поднялся юноша – черноволосый, с горбатым носом, его крылья на свету окрашивались рыжинкой.

– Благословен будь на веки вечные, Люцифер! – промолвил он. – Распространяя по миру добро, я раздавал прошлым вечером хлеб беднякам у ночного клуба. Они не хотели брать, однако я увещевал, что после танцев во славу Господа им наверняка захочется кушать. Один из них бросил в меня буханкой, но я мастерски отбил крылом... Мы во всём стараемся искать позитив, верно? Я пожелал голодному счастья, и тогда он метнул второй хлеб... Наверное, не хотел вкушать в одиночестве. У меня не было времени преломить с ним каравай, и, горячо воздав хвалу мудрости Божией, я продолжил путь на Чистые пруды, где остатком хлебушка покормил лебедей. Лебедь – птичка Божия, крылышками-то бяк-бяк-бяк-бяк, и сразу на душе елей, плакать хочется да молитвочку спеть...

Агарес не пропустил ни единого слова. Он вглядывался в лицо Дьявола – узнавая и одновременно не узнавая его черты. Ощущение, словно тонешь в меду, а в глаза и уши заливают

расплавленный сахар. «Проснись, – жёстко приказал себе демон. – Этого не может быть!» Но он не просыпался. Голова Люцифера, кажущаяся уродливой после ампутации рогов, блестела, как бильярдный шар, губы двигались, складываясь в омерзительную по доброте своей улыбку. «Не удивлюсь, если и крылья у него тоже не перепончатые, – добивал себя Агарес. – А руки! Он что, полный идиот, если не понимает, как гнусно они выглядят без копыт или хотя бы когтей?» Параллельно рассматривая конференц-зал, он видел множество ангелов, которые в его время славились как вконец падшие. Вот сидит в ложе розовый, будто младенец, демон разврата Белиал. О, что за восхитительные оргии он устраивал по субботам в Аду, контрамарку только по знакомству достанешь. Девочки как на подбор, профессионалки: тут тебе и японские гейши, и древнеримские гетеры, и наложницы султана Фатиха – развратные и неутомимые, подобно истинному злу... Попросту рожки себе оближешь. Но здесь, среди озёр словесной патоки и тонн благословений в адрес Небес, Белиал созерцает ангелов оливковым взглядом, перебирая пухлыми пальцами чётки со стихами из Библии. А там, ближе к выходу? Его Агарес тоже знал. Барбатос, командир тридцати легионов демонов, говоривший на одном языке с крокодилами и тиграми, – судя по бейджику на хитоне, заведует отделом белошвей-ангелиц, разрабатывает дизайнерские костюмчики для купидонов.

Агарес понял, что сейчас его сердце, мозг и прочие важные органы разорвутся в клочья. Такое зрелище мало кто выдержит – а он, извините, не железный, демоны ведь отчасти тоже люди. Расталкивая существ в хитонах, он ринулся прочь. Ему не хватало воздуха.

Казалось, всё пространство от земли до облаков пропахло ладаном.

Аваддон вышел минуту спустя. Присел рядом, ничего не сказав. Порылся по карманам хитона, вытащил тонкую деревянную коробку с сигарами. Молча предложил демону.

Оба задымили.

– Слушай, я не могу на это смотреть... – признался Аваддон.

– А я, значит, могу? – с издёвкой поинтересовался демон. – Любоваться, как друзья, с коими я только вчера соблазнял девственниц и кайфовал на чёрных мессах, поглощая варево из волчьих ягод, сегодня переводят старушек через дорогу? Это изврат похлеще приключений маркиза де Сада. Ощущение, что всей Преисподней сделали лоботомию. Я вот смотрю и удивляюсь: а тебе чего не хватает, дорогой мой братец? Разве не за это ты боролся всю жизнь, чтобы наступило тотальное и прекрасное царствие сладкого добра?

Ангел кольцами выпустил дым изо рта.

– Всё верно, – грустно произнёс он. – Но знаешь... я и в кошмарном сне не представлял, что Люцифер однажды займёт место Иисуса. Это шизофренически неправильно, словно борщ без стопки водки. И нет, мы в Раю не собирались превращать мир в дешёвую кондитерскую фабрику. Человек обязан твёрдо знать, что хорошо и что плохо. А тут никто ничего не знает. Вся мою жизнь я готовился к Армагеддону – финальной битве добра и зла. Тренировал отряды ангелов, учился молнией поражать рогатые мишени, испытывал распылители серебра, мастерилил бомбы со святой водой. Имелась ИДЕЯ, понимаешь? Сейчас от неё остался полный ноль. Такого просто не должно быть.

Он поднялся, хрустнув крыльями.

– Пошли на квартиру, – мрачно буркнул Аваддон. – Там обсудим, что делать.

– Было бы неплохо, – согласился Агарес. – А заодно, будь любезен, расскажи мне по дороге про *чтищу*. Кто именно её «заказал» и по какой конкретной причине. Но сначала зайдём в раздевалку – у меня всё тело зудит, скорее бы сорвать это ангельское тряпье.

– Да без проблем. Я тоже буду рад, если изложишь причину своей командировки, с небывалым количеством подробностей. И ещё – вам же выдают в этом случае командировочное удостоверение с отпечатком копыта Дьявола? Любопытно взглянуть.

– Обойдётся.

...Они вышли из здания... и остолбенели. Прямо на мостовой, остановив паромобильное движение, застыла рота французских жандармов. Солдаты подняли оружие, целясь в ангела с демоном. Они никак не отреагировали на их появление – словно зомби. И тут, откуда-то слева, выскользнул человек. Неприметный, среднего роста, одетый в форму наполеоновского офицера. Лицо по самые глаза завязано чёрным платком, как у уличного грабителя. Внимательно осмотрев Агареса и Аваддона, жандарм остановился. Демону показалось, взгляд командира попросту источал пламя, словно горящие угли.

– Взять их! – коротко приказал незнакомец.

Глава 4

Трансформация

(Улица Византийская, Москва, 12 сентября 1812 г.)

...Французы двинулись вперёд. Солдаты шли молча, единым строем. Их глаза были пусты, они подчинялись своему начальнику без малейших сомнений. Окружив ангела и демона, жандармы приставили к головам задержанных стволы автоматов. Прохожие остановились, со всех сторон дружно засверкали вспышки камер мобильных телефонов.

Аваддон усмехнулся. Он элегантно взялся за тёмные очки.

– Ты знаешь, что делать... – спокойно сказал ангел Агаресу и смял стёкла в кулаке.

УЛИЦУ СОТРЯС ЖУТКИЙ ВОЙ.

Кричали жандармы. Каждый смотрел в глаза ангела бездны и видел там НЕЧТО. Самое страшное – ужасы из глубин детства, чёрные воды ночного моря и всплывающих в темноте медуз. Чудовищ, прячущихся под кроватью, светящиеся зрачки волков в лесу, мрак и кошмар сплошной слепоты. Французы роняли оружие, падая на колени, рвали на себе воротники мундиров. Буквально за секунду рота обезумела от леденящего страха.

Демон заранее благоразумно прикрыл веки.

– Как приятно, – выдохнул он остатки сигарного дыма. – Не вижу, но впечатляет.

Двигаясь вслепую, он сбил с ног двоих жандармов – точными и сильными ударами. Подсечка – и на него свалился третий. Не открывая глаз, Агарес нашарил автомат, затем второй рукой отстегнул с пояса француза ручную гранату. Вопли звучали в ушах сладкой музыкой. Улица содрогнулась, сверху полетели отвалившиеся от фасада куски кирпича. Послышалось, как что-то лопнуло, брызнув стеклом: кажется, это был плазменный экран. «Вот бы сейчас всё здание рухнуло, да прямо на ангелов, – взлелеял хрустальную мечту демон. – После этого ничего и не надо... Ну разве что чашечку кофе».

– Ты готов? – слышался невозмутимый голос Аваддона.

– Разумеется, – скучно подтвердил демон. – Вот, лови.

Левой рукой ангел поймал брошенный ему автомат и щёлкнул затвором.

– Сматываемся.

Он достал из-за пазухи и быстро нацепил на лицо серебряную маску. Демон открыл глаза.

Жандармы сгрудились перед ними. Ползая по мостовой, они походили на гигантского осьминога, шевелящего сотнями щупалец одновременно. Командир французов застыл неподалёку. Взгляд Аваддона ничуть на него не подействовал, но незнакомец казался озадаченным. Вскинув автомат, демон навёл прицел на человека с завязанным лицом и нажал спуск. Короткая очередь прозвучала куда громче, чем он ожидал, – барышни с зонтиками истерически завизжали, прохожие по-пластунски распостёрлись на брусчатке.

Пуля попала незнакомцу в голову – точно в лоб.

Агарес видел такое очень-очень много раз. Он ожидал фонтана крови и мозгов, брызнувших по сторонам. Однако, к вящему удивлению, этого не произошло. На лице офицера в месте попадания пули появились вязкие всплески, словно свинец погрузился в кисель или речной ил. Аппетитно чмокнув, *субстанция* поглотила пулю, хотя бесследно для врага это не прошло. Его тело начало меняться, постепенно *трансформируясь*. Кожа побледнела, став тоньше бумаги, пуговицы на мундире пропали, а огненные глаза поблёкли, сливаясь с воздухом. Демон в полном недоумении наблюдал, как лицо незнакомца за секунду расплылось дымкой.

– Это *голограмма*... – ошеломлённо произнёс Агарес. – Он не настоящий.

Демон не успел опомниться, Аваддон схватил его за руку и потащил прочь из толпы французов. Те стали постепенно подниматься – кто на четвереньки, кто на колени. Глаза жан-

дармов оставались тусклыми, они смотрели на ангела и демона с тупым безразличием. Братья подбежали к магазину «Парижанин», выстроенному в стиле ампир: с безвкусной колоннадой и кариатидами, нехотя подпиравшими крышу. Распахнув дверь ближайшего такси, ангел бесцеремонно вытащил оттуда шофёра и обернулся к Агаресу.

– Водить умеешь?

– А где мне научиться? – поднял бровь демон. – Я только лошадю управлял. Видать, ты бракованный чип в башку поставил. Либо на нечисть из Ада он не действует, посему...

Лязгнул затвор.

– Любезный горожанин, – ласково сказал Аваддон таксисту, в то время как рота французов, шатаясь, аки зомби, двинулась в их направлении. – Не отвезёшь ли ты нас на большой скорости туда, куда мы сами не знаем, но лишь бы подальше отсюда...

Он вдавил ствол автомата в висок шофёра.

– Э, брат, конечно, садись, клянусь Буддой, – залепетал низкорослый монгол.

– Спасибо, – кивнул ангел, влезая на сиденье. – Я всегда верил в силу доброго слова.

– А уж если подкрепить слово демонстрацией заряженного автомата!.. – издевательски подхватил демон. – Будь уверен – стопроцентный результат гарантируется.

Монгол нажал на газ, и старенький «Пежо» понёсся по Византийской в сторону Тверской улицы. Французы остановились, сонно глядя вслед, словно стадо дойных коров.

– Кто-то управляет ими, – сообщил Агарес, оглядываясь. – Это гипноз либо элементарное колдовство низшего уровня. Как ставить чары «подчинение», тебе любая мелочь из *букнонов*⁵ с недельным стажем расскажет. Другое дело – зомбировать целую роту... Правда, этот парень не сильно подготовился к атаке... У нас в Аду на его месте...

Он не успел закончить фразу.

Сразу два гранатомётчика (судя по форме – оба также французы) выскочили наперерез «Пежо» у поворота к Тверской. Один, присев на колено у входа в Боярскую Думу, выпустил в их сторону ракету. Завидев дымный след, монгол вильнул влево, сопроводив действие фейерверком матерных ругательств. Агарес на ходу открыл дверцу машины и короткой очередью срезал второго гранатомётчика. Француз опрокинулся на спину. Первый солдат, игнорируя перестрелку, возился с перезарядкой базуки. Он делал это так лениво и заторможенно, что уже было ясно – парень под гипнозом. Новый снаряд не заставил себя ждать. Он с воем врезался в витрину ресторана «Бонапарт». Раздался оглушительной силы взрыв, и на тротуар вылетели устрицы во льду, безбожно смешанные с остатками пирожных. «Пежо» на всех парах рванул вверх – к бронзовому памятнику Екатерине Второй Целомудренной. Однако движение замедлилось: дорога была забита легковыми машинами, испускавшими огромные клубы пара. Стёкла враз запотели. Двухэтажный автобус, вставший поперёк улицы, сокращал шансы уйти без проблем.

Гранатомётчик, качаясь, шагал к ним.

– Блядство, – кратко охарактеризовал ситуацию демон, целясь французу в грудь.

– Пока ещё нет, – флегматично качнул головой Аваддон. – Но скоро начнётся.

Он показал на стремительно приближающийся со стороны Кремля боевой дирижабль.

– Рвём крылья, – быстро среагировал Агарес.

Он, разумеется, хотел сказать «когти», но ангел отлично его понял. Из пушки на носу дирижабля полыхнуло, и спустя несколько секунд ядро разнесло паромобиль вдребезги. Внутри «Пежо», впрочем, никого не было. Монгол успел выскочить и залечь у подножия памятника, ангел с демоном бежали по переулку. Гранатомётчик ускорил шаг.

Теперь он шёл **ОЧЕНЬ** быстро.

⁵ Представитель низшего сословия бесов, провоцирующий ненависть между мужчиной и женщиной. Остальные демоны презируют его за лёгкость работы.

У дороги дымились подожжённые ядром паромобили. Пассажиры разбегались кто куда. Автобус лежал на боку, жалобно агонизируя струйками пара.

– Парень промахнулся уже два раза, – подметил демон. – В третий ему повезёт.

– Господь нас охраняет... – повернул к нему маску Аваддон.

– Ой, да не смейся, – огрызнулся демон. – Это я сейчас твой ангел-хранитель!

– Очень мило, – кивнул ему брат. – Интересно взглянуть, как ты выступишь против всей армии Наполеона. Может, глаз тебе выбить, чтоб на Кутузова стал похож?

Навстречу выскочили трое жандармов.

За их спиной маячила тень – снова человек с повязкой на лице! Но, судя по рассыпавшимся по плечам волосам, это была женщина. Послышалась короткая команда на французском, и глаза офицеров остекленели. Агарес, вздохнув, срезал из автомата всех троих. Пара пуль попала и в девушку, превратив её лицо в дым. В ушах демона звенело: очередная ракета ударила в фасад дома буквально в паре метров, полетели камни.

– Этот парень с гранатомётом... – расстроился Агарес, – ну просто очень упрямый. Извини, моё терпение лопнуло. Месье достал меня хуже поганых крыльев на спине.

Демон развернулся и пошёл к стрелку. Тот замер на месте. Квартал содрогнулся: дирижабль попотчевал город новой парой ядер. Судя по тому, что они взорвались вдалеке, можно было сделать вывод: меткость – не самая сильная сторона пилота. Француз бросил базуку на асфальт. Спокойно улыбаясь, засучил рукава из грубого солдатского сукна. Демон, радостно закивав, также отшвырнул в сторону автомат.

– Я из тебя котлету сделаю, – пообещал он. – Или фуа-гра... Выбирай, что хочешь.

Гранатомётчик осклабился в ответ. Агарес отметил: понимает по-русски. Солдат, даже находясь под гипнозом, явно предвкушал схватку. Человек и демон остановились друг напротив друга. Француз похрустел пальцами, показывая, что сейчас охотно свернёт Агаресу шею. Демон с садистским удовольствием провёл рукой по горлу. Противник сделал несколько плавных движений, выдавая хорошее знание приёмов тэквондо. Агарес в ответ принял стойку «летучего оленя» – он провёл в монастыре Шаолинь всего три месяца, расследуя по приказу Сатаны кустарное демоноводство, но всё же освоил парочку простейших упражнений тамошних монахов.

Враги замерли, готовясь к прыжку. Доля секунды, и...

Прозвучал выстрел. Гранатомётчик пошатнулся. Во лбу у него зазияла дыра, лицо залилось кровью. Он рухнул на асфальт ничком и больше уже не шевельнулся. Агарес сплюнул.

– Вот твою ж мать, – возмутился демон. – Скажи мне, кто просил тебя вмешиваться?

– У нас вообще-то общая мать, – донёсся до его ушей флегматичный голос ангела. – Извини, конечно, что побеспокоил. Но нам пора прятаться, а я устал наблюдать, как вы вальс танцуете. Ещё успеешь поиграть в схватку всей твоей жизни. Это пока не босс.

– Козёл крылатый! – в сердцах выругался Агарес. – Всю малину мне обломал, сволочь.

...Оба скрылись в переулке под грохот выстрелов и взрывы ядер с дирижабля. И сразу же на место несостоявшейся битвы вышли пятеро призраков – с чёрными повязками на лицах, одетые в синие мундиры из потёртого сукна. Вот только, похоже, это были совсем не голограммы, а вполне реальные существа. Они не двигались, глядя вслед ангелу и демону. Если присмотреться внимательнее, под повязками можно было заметить: у призраков огромные глаза навывкате, как у мух. И бледно-синяя, полупрозрачная кожа.

Апокриф второй

«Конкуренция»

...Самаэль страдал от плохого настроения. С утра голову не покидали дурные мысли: сегодня обязательно что-нибудь да случится. Поэтому когда в его облачный кабинет заглянул ангел Агарес Самхайн, он уже подготовил своё сердце к влиянию отвратных новостей.

– Привет, брат. Не стой, присаживайся на облако, – кисло пригласил Самаэль.

Облака бесили его страшно, как и всё остальное в Верхнем Эдеме. Вот почему окружающие ландшафты обязаны быть белосиними? Разве не лучше добавить хоть капельку волнительно-красного оттенка? Но нет, конечно же, нет. «Так захотел Господь». И точка. А чего хочет Господь, в принципе не обсуждается, даже если твоя жизнь двухцветна с самого рождения. Самаэль с ненавистью посмотрел на спелый банан, лежащий в чаше. Вот то же самое. Высочайше решено, что ангелы должны питаться исключительно фруктами, и кого волнует, что этим их уравнили с обезьянами?

В общем, Рай – попросту кошмарное общество. А никакого другого, увы, не существует.

Вот что убивает хорошего энтузиаста – отсутствие альтернативы.

Агарес напряжённо огляделся. Он сам не понимал зачем, – никого, кроме них с Люцифером, тут не было, да и быть не могло: ангельские покои созданы прозрачными, просто условные стены посреди облаков. Однако это пусть и невидимый, но всё же кабинет. Сев на облако (каковое с уважением сформировалось в удобное кресло), он сказал Самаэлю – одними губами:

– Дело плохо. Слухи подтвердились.

– Неужели?! – вскинулся Самаэль. – И когда?

– Говорят, примерно с год назад, – вздохнул Агарес, утопая в облачном сиденье. – И это уже не подлежит сомнению, источник надёжный. Пока что изображение нам недоступно... Впрочем, как утверждают, Он создал его по своему образу и подобию.

Самаэль, скрывая нервозность, прикусил себе ноготь на пальце.

– То есть нечто такое второе – в хитоне, с нимбом и седой бородой?

– Насколько я понимаю, не совсем, – пожал крыльями Агарес. – Совершенно новая модель. Борода действительно присутствует, но от нас с тобой много отличий. Крыльев и перьев вообще нет. Чудес совершать не умеет. Летать тоже. По-моему, просто придурок.

Расстройство Самаэля усугубилось.

– Вот грех такое говорить, брат... – прошептал он. – Но разве Ему делать нечего? Уж чего Он только за последнее время не сотворил. И нас с тобой. И траву на лужайках. И жирафов. И хорьков. И

сколопендр, да хранит Он сам Себя. Неужели всё мало? В Верхнем Эдеме и без того народу – тихий ужас, одних ангелов пара десятков видов. И херувимы, и серафимы, и архангелы, и купидоны, и престолы и, так сказать, на закуску восемь воплощений Господних. Да молнией убить себя можно, пока на утреннюю молитву протолкнёшься.

Агарес сочувственно кивнул. Самаэль заведовал Небесной Канцелярией и, как всякое начальство, весьма ревниво относился к конкурентам. Агареса не разорвало бы от удивления, если Самаэль (когого также звали и Люцифер, и Денница) предпочёл бы остаться в Раю один на один с Создателем. Во всяком случае, он усиленно на это намекал.

– Люц, ты сам знаешь, – перегнувшись с облачного кресла, ангел хлопнул начальника по плечу: – Создателю ж слова не скажи. А если, не дай Он Сам, Господу мысли читать вздумается? Недавно заходит к Нему архангел Гавриил, а Тот с Престола Небес, эдак небрежно, – извини, твой план по переделке Африки в ледяную пустыню отклонён. Ну и представь себе состояние Гавриила, если он даже к размышлениям по поводу этого плана не приступал? С другой стороны – возьми да посиди в облаках 100 миллионов лет перед созданием Земли, со скуки озвереешь. Сам же помнишь: «Земля была безвидна и пуста, и дух Божий носился над водою». Может быть, Он всё это время продумывал образы животных и насекомых? Без разницы – я Господа люблю. Вот обалдеть, люблю безумно, и хоть ты тресни. Однако слабо понимаю цель сотворения того же муравьяда. Не успел Он произвести животное на свет, как пришлось сотворять заодно и муравьёв, а иначе как бедняге питаться? И остальные Его развлечения... Для чего конструировать целую кучу мелких богов и других загадочных созданий, ты скажи? Да, я отдаю себе отчёт: наша с Аваддоном мамочка – как раз королева племени островных богов Туата де Дананн. Если бы не её связь с демоном Самхайном и озёрным ангелом, мы бы с братом вообще не пребывали сейчас в Раю⁶, – однако задумка мне неясна. То есть сначала создаются небо и твердь земная, вместе с водой. Потом животные. Потом ангелы. А вот далее по неведомой причине Земля заселяется причудливыми существами и богами, каковых плодится всё больше. И ведь мы оба с тобой знаем – Он не остановится.

Самаэль трагически вздохнул.

– Ну, вот так Ему нравится, – развёл он крыльями. – Создаст однажды модель, а потом забросит, забудет или вовсе сломает. И, похоже, у Него давно ощущение, будто Он один с Землёй не справится. Мы помогаем в Верхнем Эдеме, а для Нижнего, дескать, нужны «надсмотрщики». Я чувствую, Он с этими богами ещё наплачется. Согласен, надо же такому случиться, – сидел 100 миллионов лет

⁶ Мать Агареса и Аваддона (её раса неизвестна – но, скорее всего, она была получеловеком, полубогиней, то есть одним из придуманных Господом со скуки мифических существ) крутила бурный роман с озёрным ангелом. Однажды королева, прогуливаясь по лесу, потеряла сознание, и её телом овладел демон Самхайн, принявший вид ворона. Через девять месяцев у королевы родились мальчики-близнецы, ничуть не похожие друг на друга. Она полагала, они были зачаты от разных отцов: Аваддон от озёрного любовника, а Агарес – от Самхайна. Тем не менее оба близнеца официально считались детьми ангела, и на этом основании при достижении зрелого возраста их приняли на работу в Рай.

смирно, в темноте и без света, а потом ну как понесло – создаёт и создаёт, без остановки. И ты прав – какого овоща семейства капустных?⁷ Ладно уж муравьед и боги. Что меня вгоняет в дрожь, так это Его новое творение. Никак не могу успокоиться. Вот создал Он копию самого Себя. И зачем?

Агарес заёрзал на облаке, ибо вторая новость была ещё хуже первой.

– Извини, Люц, – неуверенно произнёс ангел. – Создать нечто по образу и подобию – это полбеды. Это мы как-нибудь да переживём. Опасно другое. В общем, я точно не уверен, но... Говорят, Он этим не ограничился. Кроме существа, Он сотворил схожую самку...

На лбу Самаэля выступили крупные капли нектара.

– То есть... ты думаешь... Он собирается их размножить?!

– Это уж одному Ему известно, – грустно сказал Агарес. – На самом деле мы тут с ребятами обсудили скользкую тему на вечерней молитве. Мнения разделились. Кто-то считает, это просто очередное развлечение. Кто-то – новый проект заселения Земли. А кто-то уверен – Он заменит ими нас. Они проще, примитивнее и легче в обращении. Наверное, впоследствии так всегда и будет в этом мире. Устаревшую модель заменяют другой.

Самаэль вскочил и в волнении зашагал по облакам.

– И для чего нужен такой мир? – воздел он руки. – Вот поверь мне, брат Агарес, я бы создал совершенно другой. Разноцветный. Душевный. Тёплый, самое главное, без Северного полюса. Может быть, котлы везде расставил... Хотя понять не могу, почему мне везде видятся эти котлы? Огни бы зажёл... Ведь смотреть на пламя – так приятно...

Он оборвал монолог на полуслове.

– Но моё ли дело это обсуждать? Он Господь, а мы ангелы Его. И пусть Он изобрёл нечто чудовищное, мы обязаны принять сие творение и даже склониться перед ним. Он сам поймёт, как поступает, когда эти «существа по образу и подобию» размножатся почище кроликов и заполнят всю планету. Ты когда-нибудь видел, как размножаются кролики?

– Не приходилось, – признался Агарес. – Правда, один раз я наткнулся на двух бегемотов...

– Ты бы ещё на двух коал наткнулся, – махнул крылом Самаэль. – Я тоже случайно застал свидание гиппопотамов – там всё проходило тяжеломерно, медленно и печально. Вот кролики – настоящая феерия страстей, скорости и появления на свет других кроликов. Дивная радость соития, сплошное мельтешение хвостиков, ушек и лапок. Как-то раз я наблюдал двести восемьдесят кроликов сразу. Не поверишь – вся поляна в лесу трясась.

– Люц, ты чего? – с тревогой спросил Агарес.

– Я-то? – переспросил Самаэль. – А, не, ничего. Ты просто представь себе, когда-нибудь кроликов будет **ОЧЕНЬ МНОГО**.

⁷ Овощ семейства капустных – хорошо знакомый нам хрен. Возможно, именно благодаря запальчивости Люцифера мы получили в лексикон это ругательство.

Они пожрут массу полезных растений. Уничтожат кучу других существ, дабы обеспечить своё существование. Изроют всю планету самыми современными кроличьими норами. Будут гнать из плодов веселящую жидкость, а разные сорта луговой травы поджигать и вдыхать дым. Брат, удиви своё сердце: самые толстозадые крольчихи будут танцевать без шкурок на потеху кроликам-самцам в разных заведениях.

– Зачем? – Агарес размял онемевшие крылья.

– А я знаю? Возможно, сейчас я вижу Откровение, кадры из будущего. И если кролики способны сотворить такое с планетой – представь, что сделают те, кого создал Господь по своему образу и подобию? Сейчас их двое... А через миллион лет, скажем, народится пять-семь миллиардов. Закрой глаза и ужаснись, как извратит Землю такое количество богов.

Агареса прошиб ледяной нектар.

– Правда на устах твоих, Люц, – медленно, словно пережёвывая слова, произнёс ангел. – Если каждый сочтёт себя богом, они начнут спорить... воевать и даже убивать друг друга.

Небеса вокруг них внезапно потемнели. Коллеги услышали далёкий раскат грома.

– А ты знаешь, что такое смерть? – еле слышно спросил Самаэль.

– Я видел, как медведь задрал лося, – кивнул Агарес. – Ох и кровищи было. Эдем называется, ага, – там рога, тут копыта, здесь кишки. Правда, медведь скучное животное и в боги абсолютно точно не собирается. Поэтому ограничивает себя лосями или кем помельче. Хотя у нас в курилке фимиама говорят, уже были случаи, когда медведи бросались на ангелов. Глупые звери. Видит крылья, думает: ну всё, можно тебя сожрать. На Гавриила недавно так гризли напал. Но тот взял да проклял его именем Господним.

– А медведь что?

– Сдох от ужаса.

Собеседники замолчали. Мрак окутал облака, видны остались только крылатые силуэты.

– Мы отвлеклись от темы, Агарес, – мрачно сказал Самаэль. – Так вот, копий Господа станет много. Но они – не Он. Эти существа не станут жить спокойно. Моё мнение: мы должны открыть Ему глаза. Объяснить – да ладно уж муравьеды. Никаких сложностей с рыбами-муренами. Даже бабуины пусть живут, хотя морды у них ужасно противные. Однако с копиями Создателя явно будут проблемы. Мы не можем сидеть сложа крылья. Сначала надо провести нужные беседы с другими ангелами, архангелами и даже, не убоюсь этого слова, с херувимами. Разумеется, тихо... из уст в уста. Необходимо набрать приличное количество сторонников, дабы в голос заявить о несогласии, с этим... – (Он набрал в голос максимальное количество презрения) – если так можно выразиться, творением. Пообщайся со своим братом, Агарес. А я возьму на себя Гавриила и Захарию. Нет-нет, Господь не ошибается. Он всего лишь не представляет последствий одного изобретения. Параллельно я обмозгую, как помочь Господу разочароваться в людях.

– Я думаю, в муравьедах он уже разочарован, – осторожно вставил Агарес.

– Так вот и отлично.

...Покинув Верхний Эдем, Агарес спустился. Вдохнул земной воздух и почувствовал его сладость. Действительно, зачем Ему кто-то ещё? Существуют ангелы – существа из плоти и крови, умеющие летать и всегда готовые выполнить Его желания. Ну, что ж. Остаётся обсудить Божью затею с родным братом – Аваддоном. Ведь Аваддон давний знакомый Самаэля, они не одну чашку сока манго вместе выпили. Никаких проблем не возникнет.

Он совершенно точно в этом уверен.

Глава 5

Одержимость

(Москва, улица Елейной Благости, корчма «Денница»)

...Ангел и демон выбрали это заведение случайно, можно сказать, по наитию. Уже на входе, завидев вывеску с готическими буквами, Аваддон вяло трепыхнул крыльями: ему хотелось воспротивиться, но сил не осталось. Внутри обнаружился погребок, стилизованный под старину: со стенами нежно-голубого оттенка, элегантными столиками и стульями из белого дерева, чуть потёртыми синими ковриками на полу и официантами, наряженными в ситцевые хитоны. В воздухе разливался запах ладана. Демон сумрачно отметил, что ещё недавно бежал бы от него – как и положено чёрту.

Наспех смыв в туалете пыль штукатурки и копоть взрывов, они сели за стол.

– У тебя хоть деньги есть? – осведомился ангел.

– Я у одного из убитых французов кредитку взял, – спокойно сообщил Агарес. – Тебя что-то смущает? Парень всё равно оккупант, пусть искупит своё свинское поведение, заплатив за нашу выпивку. Так, что будем заказывать?.. Давай водочки с горя, по четвертинке?

– Я забыл тебя предупредить, – горько усмехнулся ангел. – ТУТ БОЛЬШЕ НЕТ ВОДКИ.

Демон так разволновался, что едва не опрокинул стол.

– В РОССИИ НЕТ ВОДКИ?! Как же эта страна вообще ещё существует?

– Я удивлён не меньше твоего. Но понимаешь, духовная победа сил добра изменила многое. Нет-нет, разумеется, алкогольные напитки не исчезли, это физически невозможно, ставится под сомнение сама суть славянских государств. Как ты помнишь, князь Владимир Красное Солнышко гордо сказал послам Аббасидского халифата, предлагавшим принятие ислама: «Веселие на Руси есть пити». Люби Володя баб больше, чем бухло, – сидели б тут сейчас все мусульмане. Но он пил вино. И вообще, по Библии – все пьют вино. Культурно отдыхают в садах, беседуют о поэзии и женской красоте. Водка же – это явное олицетворение зла. Ею легко нажраться до зелёных демонов, и с неё обязательно влезут в драку. Убийства, поножовщина, мрак и жуть. А вино – напиток весёлых людей.

– Ага, – охотно кивнул Агарес. – До такой степени весёлых, что римляне целые города вырезали, пропитавшись культурой виноградной лозы. Не смехи, честное слово. Есть и вовсе непьющие народы, они такие побоища устраивали – да Сатана меня прости. Ладно, принимаем жизнь, какая она есть. Если водка исчезла – значит, так тому и быть. Хотя это местный краеугольный камень, как для англичан овсянка. Давай уже заказывать.

Подошёл высокий молодой парень-официант.

– Добрый человек, – грустно сказал ему ангел, – ты принеси нам, пожалуйста, телятины, белого хлеба, кувшинчик вина. Ну и там зелени всяческой немножко, для философии.

Официант лениво кивнул. Если у клиента философия ассоциируется с укропом, это не его ума дело. Он удалился на кухню и вскоре вернулся с подносом. На одной тарелке дымилось мясо с мангала, на другой лежали ломти свежего батона, на третьей покоился набор из зелёного лука, кинзы и тархуна. В центр стола со стуком встал графин.

– Ангел преломляет хлеб с чёртом, – вздохнул Аваддон, разливая рубиновое вино по стаканам. – Господи, прости мне грех мой. В какое же говно скатился этот мир.

– Ой, да хватит уже, – поморщился Агарес. – В своё время мы не только хлеб ломали, а жили под одной крышей, с мамой, пока мой папа в образе ворона прилетал ко мне ночью сказки рассказывать. Я уж не говорю, сколько лет мы в Раю вместе вкалывали. Заканчивай страдания и объясняй: кто такая *чтица* и зачем тебя послали её убить...

Они не стали чокаться – словно поминали покойника.

– Короче, в Аду всю подоплёку системы *чтищ* знает только один Дьявол. – Аваддон аппетитно захрустел тархуном, наколол на вилку мясо. – *Чтища* – специальная девушка, как правило, страдающая аутизмом, то есть не от мира сего. Она не замечает, что творится вокруг, и этот факт весьма удобен. Видишь ли, брат, так невольно получилось – Господь создал нашу планету с серией существенных недоделок...

– Хм, – прожевал сочную телятину демон. – Уж нам ли в Аду этого не знать...

– Вы там вообще ничего не знаете, – парировал ангел. – Но тем не менее создать Землю за семь дней – это натурально бешеный аттракцион. Впоследствии, узрев недоделки, Господь вдруг задумался: а как же ставить «заплаты»? Сотворив динозавров, Он как-то не предполагал, что эти гигантские твари заселят джунгли вокруг Эдема и профессионально сожрут всю живность. Глядя, как тираннозавр гонится за охреневшим велоцерептором, Бог расстроился. Однако Его креативная мысль не дремала. Специально для корректировки неудачных событий Он изобрёл интересную штуку, придумав три особые книги. Одну отдал архангелу Михаилу, вторую – четвёртому ангелу Апокалипсиса, а третью – Самаэлю, ибо тот ещё жил в Раю и носил крылья. Каждый поклялся перед Господом своей кровью: он сохранит книгу, что бы с ним ни случилось...

– Ты уверен насчёт Самаэля? – саркастически улыбнулся демон.

– Полностью, – спокойно ответил Аваддон. – Я же сказал, это клятва на крови, ее нельзя нарушить. Самаэль может и далее искушать чужих жён и колбаситься на шабашах, но за свой фолиант он отвечает. Именно эту драгоценность тебя и послали охранять. Изначально у каждого тома пустые страницы, хотя образ формален – книгой может быть и блокнот, и обычная стопка листов. Их заполнение – и есть задача ущербной умом девушки. После того как *чтищу* допускают к книге, посланец Господа наделяет её божественным даром: отныне она способна изменить любое событие в прошлом. Стоит только указать, какое именно, – начертав на странице нужные строки.

Телятина комом встала у демона в горле.

– Это же страшное оружие, – прохрипел он. – Узнай кто-то о способностях *чтищ*, за обладание ими сражались бы целые армии. И какие ещё события были изменены?

– О, очень многие, – отхлебнул вина Аваддон. – Например, ты знаешь, почему армия Бату-хана повернула назад из Венгрии и Польши? Ведь она должна была покорить Европу, в Париже и Лондоне сидели бы ханы, а местная знать поглощала кумыс и посылала дань в Каракорум с гонцами под девятихвостыми знамёнами. Но *чтища*...

– Так, минуточку, – прервал его Агарес. – Почему бы вообще не вычеркнуть монголов?

– Монголы – это классическая кара Божья за грехи человечества, – снисходительно разъяснил ангел. – Ты не подмечал – едва люди переходят все границы в отношении секса и бухла, так в мире сразу случается НЕЧТО? Но кара не призвана уничтожить всю планету. Вот поэтому со времён динозавров каждого агрессивного завоевателя останавливали на пике его могущества – чтобы парень не зашёл слишком далеко. Помимо Батыя и Чингисхана, тут полный набор: Александр Македонский, Римская империя, Аттила, Арабский халифат. Думается мне, что и у Наполеона в итоге лафа накроется.

Демон погрузился в технические размышления.

– Стало быть, девицы способны изменить любое событие в прошлом? – переспросил он. – Но при этом корректируют историю, как надо Раю? Удивительно. Я долго наблюдал за Настасьей. Мадемуазель, знаешь ли, психическая. Она вырывала страницы из книги, перечёркивала их, комкала, бросала. Сдаётся мне – сбывайся всё, о чём она пишет, Москву в данный момент населяли бы розовые слоны, живущие в больших грибах.

Ангел отрицательно покачал головой.

– Есть определённые законы и условия, – сказал он. – Иначе и верно вокруг царил бы грибной сюр. Например, все три *чтищы* обязаны по очереди написать одну и ту же строчку.

Только тогда прошлое изменится. Кроме хранителей книг, каждую барышню опекают кураторы-херувимы. Они доставляют из Рая особый артефакт, и *чтицей*... как бы тебе объяснить точнее... овладевает святой дух. Так, не надо лыбиться! Именно девушки с аутизмом – идеальные проводники воли Божьей. Конечно, как и у каждого радиоприёмника (о существовании каковых ты уже в курсе), у них возникают помехи... Хотя в итоге все три напишут нужную фразу. Но внутри меня бегут сомнения...

Он остановил бег сомнений хорошим глотком вина.

– А что за ангел курировал одержимость *чтицы* Настасьи? – поинтересовался демон.

– Я не знаю, – вздохнул Аваддон. – Это, как правило, секретное задание. Его имя известно хранителю книги, то бишь Самаэлю... Но нам не докопаться до истины, поскольку Сатана исчез. Так вот, насчёт сомнений. Про существование *чтиц* знали очень немногие. Лично мне рисуется такая картина: Настасью похитил тайный злоумышленник, пожелавший изменить историю Дьявола, причём без ведома самого Дьявола. Он обитает либо у нас в Раю, либо у вас... И не криви опять морду, никто не предан начальству стопроцентно. Если уж у нас завелась оппозиция, она вполне ожидаема и в Аду.

Он воспользовался паузой, чтобы похрустеть луком.

– Стало быть, Настасью украли и неведомым способом заставили вычеркнуть из книги саму историю восстания Сатаны на Небесах. По каковой прозаичной причине ваш князь тьмы и обратился в смиренного слугу Господнего. Мне крайне хочется понять: мы имеем дело с демоверсией или... уже с финалом? Если этот некто захватил всех трёх *чтиц* и заставил их переделать прошлое – знай, оно останется таким навечно.

– Не состыкуется, – вытряс из графина остатки вина Агарес. – Допустим, неведомый похититель *чтиц* теперь охотится на нас. Тогда расправиться с врагами ему проще простого. Заставит аутичных девиц написать в книгах, что прямо сейчас на таверну «Денница» упал метеорит, – и нам можно передать привет, как динозаврам.

...Братья беседовали вполголоса, хотя на них никто не смотрел. Корчма была переполнена разносортными посетителями, от элегантных господ в цилиндрах до простых конторских клерков. В воздухе висело жужжание, словно влетел рой пчёл (все говорили одновременно), звенели ложки, стаканы и вилки. Официанты с трудом протискивались между столами, но их лица оставались непроницаемыми.

– Именно поэтому из числа подозреваемых можно сразу исключить Люцифера, – отодвинул пустую тарелку Аваддон. – Хранитель книги либо сам Господь выдают специальный артефакт, позволяющий менять историю. Без магической вещи херувим не имеет сил вселиться в астральное тело девушки. Обычно это нить из ткани Его хитона, волос из бороды или пыль божественных сандалий. Таких вещей нет в ведении Сатаны – от одного волоска Ад рассыплется в прах. Значит, призраки-голограммы вряд ли имеют отношение к армии тьмы. Дьявол не дал им ключ-артефакт, вот нас с тобой и не плющит метеоритом. Говоря современным языком, похититель – *хакер*, который пытается *взломать* Настасью кустарным способом, обходя пароль и запуская вирусы. К счастью, пока это у него получается лишь частично: он способен повлиять на нечто глобальное, но не в силах воздействовать на мелкие детали.

Демон с сожалением поставил на стол пустой стакан.

– Состыкуется, – кивнул он. – И теперь, вероятно, последний вопрос.

– Заколебал уже, – вздохнул ангел.

– Знаю, – отреагировал Агарес. – Но так уж у нас положено: ты умный, а я дурак.

Аваддон сделал вид, будто не заметил издёвки.

– Хорошо, спрашивай.

– Ты сказал – в 1242 году армия Батые повернула из Венгрии назад в Каракорум, потому что *чтицы* из будущего изменили прошлое. То есть была реальность, в которой монголы захва-

тили Европу или даже весь мир, а после корректировки Батый остановился и ушёл? Почему же тогда ни я, ни уж тем более ты этого не помним?

Аваддон щёлкнул пальцами – с видимым превосходством.

– Ха, так это очень просто. Каждый раз после корректировки прошлого память у населения Земли автоматически обнуляется. Происходит как бы загрузка нового контента. Ведь нам известно: версия 1.74 полностью обновляет версию 1.00. Мы оба, да и остальные обитатели Вселенной не сохраняют в мозгу уничтоженную реальность. Едва три *чтицы* напишут одинаковые строчки, забудется всё, что происходило до этого. Вероятно, лишь один Господь в курсе, сколько УЖЕ изменений претерпела мировая история.

За столом повисло тягостное молчание.

– Слушай, это пиздец как сложно осознать, – пожаловался демон.

– Конечно, ибо вас в Аду учат девкам юбки задирать на мессах, – съязвил ангел. – А о философских сложностях не информируют. На самом деле у нас с тобой в данный момент чрезвычайно скверное положение. Мы не знаем, кто похитил *чтицу*. Мы не знаем, какого рода призраки за нами охотятся. Мы вообще ничего не знаем. Ясно одно – нас хотят либо захватить в плен, либо убить. Буду с тобой честен: мне совершенно не нравится нынешняя реальность, и я хотел бы вернуть прошлое. Люцифер – слуга Божий... Ещё неделю назад при первой мысли о таком раскладе у меня крылья бы завяли.

– Горе-то какое, – ехидно произнёс Агарес. – Не за это ль ты боролся, лебёдушка?

– Представь себе, – огрызнулся Аваддон. – Нынешняя религия на Святой Руси зовётся *люциферианством*, и здесь в природе нет того, чему я верно служу почти две тысячи лет. Отсутствуют двенадцать апостолов – есть лишь несостоявшиеся демоны вроде Белиала и Астарота, кои разводят певчих птичек и сажают розочки в садах райских. Нет распятия. Нет Рождества, а как следствие – нет и Пасхи. Хочется сказать «тьфу» и «вашу ж мать», но не стану, ибо воспитывали меня в кротости. Взамен мне предлагают поклоняться безроговому Люциферу и сонму сатанинских созданий, консервированных в лампадном масле. Проще говоря, вместо шоколадного пирожного на блюдечке принесли говно. И говорят: а чего ты возмущаешься? Оно ведь точно такого же цвета. Как Господь мог собрать столь мерзких уродов? Неужели он не видит сущности Самаэля?

Демон разбил под столом графин, сделав «розочку».

– Ты переел телятины? – с участием спросил Аваддон.

– Сам ты говно, – задушевно сообщил Агарес. – Знаешь, я уже устал от твоих небесных выкрутасов. Что ни слово, то подколка. Ах, вы свиньи. Ах, девчонкам задницы щупали, серой душились, церкви жгли, водку квасили. Ты достал меня до печёнок. Общие интересы не делают демона союзником ангела. Едва реальность исправится, я с огромным удовольствием выдеру эти убогие *chicken wings*⁸ со своей спины, дорогой братец. Ох, ну да – прими искреннюю благодарность, что ты вытащил меня из психушки. На этом всё. Прекрати демонстрировать своё превосходство. Вы вовсе не победили зло в честном бою. Просто Дьявол умом тронулся, но такое с каждым может случиться. Теперь меня не берут ваши спецсредства в виде распятия и святой воды, и мы в равных весовых категориях. Вякнешь ещё слово про Ад, и я тебе все перья в крыльях пересчитаю, клянусь Сатаной.

Аваддон тяжело поднялся. Некоторое время братья смотрели друг на друга через стол. Кабацкая публика отнеслась к назревающей разборке флегматично, – драки в трактирах на Руси были такой же частью национальных традиций, как валенки или Масленица. Лишь официант хищно выгнул шею, словно гриф, – он уже подсчитал, какой счёт выставит парочке за бой посуды, включая безвременно погибший графин.

⁸ Куриные крылышки (англ.).

– Я сворачивал рога демонам рангом и повыше тебя, – предупредил ангел. – Не думаю, что я сильно постарел и ослаб. Я принимаю твой вызов и с удовольствием вырву тебе сердце: как только мы вернём всё назад, а Люцифер низвергнется в Ад, где ему самое место.

Агарес разжал пальцы, и «розочка» звякнула об пол.

– Отлично. Мне расплатиться?

– Будь так любезен.

Братья покинули трактир. Распахивая двери, каждый ожидал: сейчас они увидят как минимум полк жандармов под командой призраков. Вопреки их опасениям, улица была спокойна: прохожие спешили по своим делам, нарядные барышни продавали французские флажки, а ближайшая церковь отчаянно звонила в колокола, созывая верующих на молитву. Агарес поморщился и повернулся к ангелу.

– Ты иди, я буду позже. У меня же есть в чипе адрес твоей квартиры, верно?

– Да, – после короткой паузы подтвердил Аваддон.

– Ну и всего тебе плохого. Я скоро вернусь. Мне надо немного прогуляться.

...Демон двинулся вниз по улице, чувствуя, как спину сверлит пристальный взгляд ангела. Он усмехнулся. В отличие от Аваддона, Агарес точно знал, куда ему идти и что делать.

Глава 6

Призраки

(К северу от Кремля, под штаб-квартирой Наполеона)

...Жарко. Ну, так не удивительно. В подземелье почти нет воздуха. Только земля и огонь.

Впрочем, им дышать и не нужно. Они перемещаются по тоннелям, улыбаясь друзьям и коллегам, – словно обычные люди. Только иногда их большие, навывкате глаза заливают кровь, а рот заполняется раскалёнными углями. Да, ещё кожа прозрачно-голубоватого цвета. Появляясь на поверхности, они наносят на тело грим, но чаще всего заматывают лица платками. Их внешность пугает людей, поэтому когда-то, очень давно, существам пришлось спуститься под землю. Много тысяч лет назад – *великого переселения* не помнят даже старейшины. Зеркала в подземелье покрыты особым химическим составом, иначе они запотевают от вспышек пламени и струек пара, вырывающихся из гейзеров на земляном полу. Призраки рождались с умением переносить жар, их призвание – обитать среди языков огня. Такого, что заставляет других двуногих задыхаться в ужасе и хрипеть, покрываясь крупными каплями пота.

Но для них густой воздух подземелья сладок. Как сахар.

Они много что умеют. Например, подчинить себе любое земное создание – как животных, так и людей. Если *сейид* особенно силён духом – примерно сотню зараз, а то и больше. Обладай человек их способностями, ему потрясающе жилось бы на белом свете... Велишь, например, лесному оленю явиться к обеду, положить себя в костёр и изжариться до нужной кондиции, ха-ха-ха. Но это шутка. Они вовсе не люди.

У них есть легенда – кто же они такие на самом деле. Но об этом – позже.

Призраки подземелья могут быть невидимыми. Они способны следовать за «подчинёнными», управляя ими, как актёр куклой-*петрушкой*, надетой на кисть руки. Они умеют сеять страх, являя огненное лицо из воздуха. Им не составляет труда создать собственную копию-голограмму: она отправляется в опасный район, видит глазами хозяина и говорит его голосом. Правда, голограмма легко уязвима, и каждое её уничтожение причиняет вред здоровью хозяина... Разрушь девять фальшивых изображений, и можно заказывать похороны и вызывать плакальщиц. Словно драконы, при нужном запасе энергии призраки изрыгают огонь – достаточно сильный, чтобы спалить целую улицу. Но таких существ – *расулов*, – осталось под землёй очень и очень мало... Про призраков ходит много легенд – и, пожалуй, ни одна не отражает всю правду. Суеверия предполагают, дети подземелья бессмертны, а это вовсе не так. Да, живут долго, примерно триста лет, но всё равно умирают. Они неприхотливы. Питаются тем, что даёт земля, – мышами, кротами, червяками, мокрицами. Кстати, вы зря смеётесь.

Запечённые на открытом огне мыши очень вкусны. Не хуже цыплят.

Издавна земные матери, особенно в кочевых племенах пустынь, шепчут своим младенцам: их запрещено видеть. Это как проклятие. Если вдруг узрел призрака, ты сгоришь, либо привидение убьёт тебя. Выбор в обоих случаях небогатый, поэтому дети их страшно боятся. Потом они вырастают, но парализующий страх вечно преследует во взрослой жизни.

На каждом углу в подземелье расставлены чаши с огнём.

Это вроде как фонтаны на поверхности. Только вода призвана охлаждать, а пламя – даровать необходимое тепло... или энергию, если хотите. Содержимое чаш разнообразно: где-то горой насыпаны тлеющие угли, где-то жирно лоснится сырая нефть, а где-то – оливковое масло. Языки пламени освещают каменные своды – огромный подземный дворец, точнее сказать, город. Их первые поселения, как Деринкую в Турции, давно покинуты, и туда пускают толпы туристов. Целые мегаполисы уходят в землю на десять этажей. По холодным, лишённым света каменным туннелям можно пробраться вниз, лишь согнувшись в три погибели, и

экскурсоводы объясняют: вот тут жили женщины, здесь располагались столовые и – о, смотрите, выдолбленная из мрамора овальная комната, похожая на тронный зал королей. В ходу чрезвычайно много версий, кто проживал в этих подземных городах – и гномы, и раса карликов, и гонимые иноверцами язычники. Нет, люди так и не узнают правду: исчезая, призраки тщательно подчищают за собой все следы, уничтожая рисунки и картины, стирая мозаику на стенах.

Их художники всегда изображают только одно – огонь.

В подземелье часто бывают гости. Они входят сюда лишь однажды, дабы никогда не вернуться наверх. Чёрный Алтарь в круглой, тщательно выдолбленной пещере впитал пепел тысяч жертв. Их бог милостив, но любит пышные застолья. А какое же празднество обойдётся без хорошего угощения? Богу тоже надо есть, и верная паства под покровом темноты выходит на охоту, забирая людей с улиц. О, вы наверняка думаете, что речь зайдёт о тонконогих бледных девственницах? Послушайте, девственницу сейчас и днём-то трудно найти, а не то что в три часа ночи. Фастфуд бога – загулявшие поздние прохожие, спящие на вокзальных лавочках бомжи и пьяная молодёжь у ночных клубов. Само собой, не сравнить с прежними яствами, но, к общему счастью, бог весьма неприхотлив.

И, разумеется, добродушен. Он всегда и везде помогал своему народу.

Гостя приводят в подземелье, – он под внушением и не пытается бежать на свободу. Пленника влекут к святилищу: каждый призрак, стоя у Великого Жертвенного Пути, низко кланяется пришельцу, славя его великолепное будущее. Ибо стать пищей богов – великая радость и почёт... Увы, далеко не все это осознают. Один гость как-то раз вырвался из-под контроля – бывает, иногда сильный разум невозможно полностью обволочь *плёнкой*. Он выл, кричал, метался, чуть не разрушил одну из чаш. Идиот. Усладить желудок бога – большая честь... совсем не доступная призракам. Иначе они сами с огромным удовольствием легли бы на камень Чёрного Алтаря.

Вечером таверны подземелья переполнены.

У призраков очень сложная жизнь, и им надо утешиться. А что их утешает? Они пьют жидкий огонь – и, чувствуя, как пламя разливается по жилам, затягивают грустные песни. В подземелье редки поводы веселиться. Хотя тут есть и свадьбы, и похороны, и даже казни. О да, Король временами суров – людям с его должностью сварливый характер, похоже, передаётся по наследству. А подземные подданные робки, как цыплята, выращенные в инкубаторе. Сегодня наверняка кого-то казнят, ибо Король пребывает в плохом настроении. Отряд *лучших*, посланных на поверхность, вернулся с пустыми руками. Да ещё и принесли с собой двух раненых – Хуну и Илль. Их голограммы расстреляли, а значит, отняли часть жизни. Бесславное отступление взволновало подземелье, и под треск огня, собравшись в группы за столиками, огненные призраки шептались: что принесёт с собой королевский гнев? *Лучшие* оправдывались, как могли, – по словам лазутчиков, они превзошли сами себя. Подчинили целую роту жандармов. Овладели разумом двух профессиональных гранатомётчиков. А дирижабль? Прекрасная, замечательная работа. У Хуну это третья жизнь, а вот у Илль – пятая: она бледна, с её лица отхлынула синева. Так что же сегодня будет? Об этом никто и ничего не знает...

...Алтари скрыты под горами обугленных костей. Их всего два, у подножия каждого по статуе, одна стоит на коленях, другая – выпрямилась в полный рост. Зал святилища за сотни лет жертвоприношений пропитался дымом и золой, стены пахнут копчёным мясом. На граните – отпечатки тысяч лиц: тех, кому суждено превратиться в завтрак бога. У призраков нет специальных служителей культа, все они – нация жрецов. Крики жертв сладкой музыкой достигают ушей владыки, иначе маленькому народу не выжить во враждебном окружении. Они и так вынуждены постоянно перемещаться в подземельях: тут роют шахты для угля, здесь – ищут нефть, а там – копают котлованы для зданий. «Поверхностным крысам» мало захватить всю

землю, они вторгаются сюда, в святая святых. Племя огня давно кануло бы в небытие, но... Да, его хранит сам бог.

Король появляется из тронного зала. Мрачный и грустный.

Подданные склоняются перед величием, слышен лишь треск огня в чашах. Монарх останавливается напротив отряда *лучших* — и угли в глазах воинов гаснут. Король явно хочет что-то сказать, но... В этот момент его обуревают мысли. Он терзается сомнениями: а что даст казнь нерадивых? Воистину, эти двое сродни полубогам, раз одолели целую роту «крыс» и ушли из-под клюва огромной летающей птицы. Как им удалось? *Лучшие* способны взять под контроль целый батальон, но силы подземного народа не безграничны. Сегодняшняя неудача свидетельствует – надо найти другой метод. Только вот какой? По лицам раненых Хуну и Илль пробегает дрожь, хотя Король разворачивается и уходит в сторону святилища. Это не вносит успокоения в ряды подданных, призраки близки к панике. Вдоль рядов гулом проносится шёпот. Король исчезает в святилище, в массивной каменной двери слышен скрежет ключа.

Теперь ему никто не помешает. Он подходит к плите – прямо между алтарями. Жмёт на неё всей ладонью, широко расставив пальцы. Плита с грохотом отъезжает, как дверь шкафа-купе, сокрушая обломки костей. Властитель шагает в проём.

Внутри ничего нет. Точнее – почти ничего.

Лишь чужеродная святилищу стойка из прессованных опилок с кнопочным аппаратом для связи. Король, высочайше тыкая в кнопки, набирает хорошо знакомый номер. Один раз, второй, третий. Он ждёт долго, заметно волнуясь, – где-то с полчаса, – пока невидимый абонент наконец не снимает трубку. Король начинает говорить. Изредка замолкает. Вставляет фразы. И наконец, молчит, прикрыв глаза. Со стороны кажется, будто он уснул... Но это далеко не так. Затем монарх подземного царства кивает – вслепую. Не проронив ни слова, кладёт трубку на рычаг. Сделав шаг назад, кланяется аппарату. Пятясь, выходит из тайника и возвращает себе зрение. Король идёт к центру святилища, под ногами хрустят обломки сгоревших черепов. Он улыбается.

Бог дал ему новое задание.

Он предпочитает беседовать с ним наедине. Хотя все призраки подземелья давно в курсе, что бог общается с Королём по телефону. И для них тут нет ничего необычного. Ведь бог обязан поддерживать прямую связь со своим народом... разве не так?

Апокриф третий

«Заговор»

– ...Что, опять?! И как это вообще называется, хотела бы я знать?

Преисполненный душевных мук, Адам устался в густую траву у себя под ногами. Ева, подбоченившись, стояла у Древа Познания – разумеется, совершенно голая. «Начинается, – с тоской подумал Адам. – Господи, ну зачем ты так? Разве одному в Эдеме мне жилось скучно?» Он с удовольствием исчез бы в кокосовой роще, однако идти ему было ровным счётом некуда. В лесу запели соловьи – как-то особенно издевательски.

– Слушай, – робко сказал Адам. – Ну не всё же столь ужасно...

– Неужели? – чувствуется, будь у Евы крылья, она так и взвилась бы в воздух. – Я просила принести из джунглей двадцать семь бананов,

а ты притащил пятнадцать! Мы с тобой составляем всё население Земли, и ты только что поставил человечество на грань голода!

– Ты ещё прошлые не доела... – нерешительно подметил Адам.

– И что? – пронзительный голос Евы перекрыл даже трели соловья в роще. – Я света белого не вижу, с утра до вечера листья разбираю, ветки, чтобы нам удобно спать было и жуки в волосы не лезли. А ты даже двадцать семь бананов не в состоянии добыть? Ох, за что мне такое наказание... Говорил мудрый папа: не связывайся ты с этим Адамом!

– У нас один папа, – прояснил ситуацию Адам. – Фактически ты мне сестра. И в некотором роде, можно сказать, дочь, поскольку тебя сделали из моего ребра.

Ева с резким свистом набрала воздуха в лёгкие.

– Боже ты наш милостивый! И как у тебя ума хватило ляпнуть такое? Перед написанием книги всегда делают черновой вариант. Я и есть финальное создание Господне!

«И почему Эдем такой маленький? – страдальчески вздохнул Адам. – Я обречён выслушивать вопли существа, сработанного из моих же костей. Откуда я мог знать, что ребро даст подобный эффект? Честное слово, стоило предложить нечто другое. Возможно, фалангу пальца? Ухо? Или кусочек нижней части ягодицы? Ну да, оно будет вернее: так или иначе, любой разговор с Евой заканчивается полнейшей задницей».

Меж тем женщина продолжала сокрушаться.

– Вот не повезло мне, горемычной. И чем я это заслужила? У других-то Ев небось бананов в Эдеме завались, дел никаких, живут себе припеваючи, а-а-а...

– Ты единственная на свете Ева, – перебил её Адам. – Других, извини меня, не существует.

– Да какая разница! – взбеленилась женщина. – И так понятно: наличествуй в Эдеме иные дамочки, их положение было б куда завиднее моего. Настоящий Адам обязан всем обеспечить жену – и бананами, и пальмовых листьев нарвать, и с комарами сразиться. А ты что? Я даже не знаю, зачем живу с тобой. От тебя в дикой природе никакого толку!

«Да и от тебя тоже», – хотел парировать Адам и вовремя прикусил язык. Он не должен показывать, что просвещён в весьма щекотливом вопросе – как именно мужчина познаёт женщину. Для скандалистки Ева была удивительно невинна в телесных вопросах. Она ни разу не задалась мыслью, зачем ей то, что находится внизу живота. Правда, однажды приказала Адаму изловить в ручье парочку особо зубастых пираний – чтобы с их помощью подстричь волосы на лобке. «Так эффектней, – призналась Ева. – В толк не возьму, зачем Господь даровал эти заросли?» Лиха беда начало – скоро она удалила пираньями всю растительность на ногах и в области подмышек. А вот важная часть тела Адама (а он-то уж знал, КАК она умеет работать) совершенно не использовалась Евой по прямому назначению, она лишь изредка требовала глушить ЭТИМ рыбу и колоть кокосовые орехи.

Нельзя сказать, что Адам страшно ненавидел Еву. Когда она держала рот закрытым, то слегка ему нравилась. Но поскольку такое случилось исключительно во время очень глубокого сна, проблема оставалась неразрешимой.

«Намекнуть ей деликатно, что ли? – страдал ночами Адам. – Давай нормально вечер проведём. Погуляем в лесу, выпьем забродившего сока пальмы, поцелуемся, а там и... Не-не, она ж сразу с визгом Господу побежит жаловаться». Изредка (грех, понятное дело) ему хотелось, чтобы Ева, купаясь утром в ручье, захлебнулась и утонула. Адам в отчаянии гнал от себя эти мысли... Но после грезилось, как полуслепой слон по ошибке принимает Еву за пальму и душит её хоботом. Конечно, нет гарантии, что Бог не создаст ему опять столь же бездарную компаньонку. Но, кажется, хуже всё-таки быть не может.

Ева продолжала орать. Терпение первого человека истощилось.

– Слушай, да пошла ты к дикобразу! – Этого зверя он видел только сегодня, и голая Ева на его иголках, по мнению Адама, смотрелась бы весьма уместно. – Я пойду в джунгли спать.

Ева захлебнулась на полуслове. Обняв обеими руками ствол Древа Познания, она со слезами на глазах смотрела на обнажённые ягодички своего сожителя, удалявшегося в сторону пальм и обезьян. Ну почему, вот почему?! Она же так его любит. Бездушное, чудовищное существо. Взял и послал к дикобразу. Разве так поступают с любимыми?

Змий появился незаметно – скользнув вниз из кроны Древа.

Небольшая рептилия – её вполне можно было принять за ужа, если бы не антрацитово-чёрная шкурка и треугольная голова аспида. Плотно обзрев упругие прелести Евы, змий высунул раздвоенный язык и слегка им прищёлкнул.

– Вот скотина, правда? – участливо заметил гость.

– Да, – охотно согласилась Ева. – Подонок ещё тот. Чувствует ведь: деваться мне некуда. Конечно, куда я пойду из Эдема? Не уверена, что за его пределами найдёшь даже приличных пираний для удаления волос. Изменила б ему назло – так вот не с кем.

– Ш-ш-ш, – удовлетворённо кивнул змий. – Ты в курсе смысла измены?

– Ну да, – неуверенно сказала Ева. – Это когда другой муж принесёт бананы?

– Не вполне так, – покачал головой аспид. – Я вижу, тема знакома тебе лишь частично.

Змий в чём-то был солидарен с Адамом. Уже второй месяц кряду он пытался подбить Еву на поедание плодов с Древа Познания, и максимум, что ему удалось донести до женского мозга, – метод эпиляции с использованием пираний. Да, эпиляция изрядно испортила Адаму кровь... Но этого маловато для достижения поставленной цели.

– Сейчас ты скажешь – ага, а вот съела бы ты плод с дерева... – поддела Ева.

– Я?! – фальшиво возмутился змий. – Да ни в жизнь! На инжир⁹ тебе эти знания? Лично я считаю, что женщине достаточно сисек. Уж не пойму почему, но у меня твёрдое убеждение: если есть сиськи, потребность в мудрости отпадает. Адамы валом повалят и столько бананов на горбу притащат – обещаю, год есть будешь. Правда, у тебя с этой частью тела проблемы. Лично вот я по-дружески рекомендую увеличить грудь.

Бледное лицо Евы пошло красными пятнами.

– А как это сделать? – моргнула она сразу обоими глазами.

Змий ласково обвился вокруг её предплечья.

– Попроси Господа, – доверительно шепнул он. – Чего ж проще? Приди к Богу да скажи: хочу, чтобы волосы на теле не росли, замучилась пираньями щёлкать. Грудь нехай вырастет на пару размеров побольше, да и с задницей можно чуточку поколдовать. Ноги стройнее, пальцы тоньше, ямочки на щеках. Полный набор красоты. Ты знаешь, как я тебя обожаю, но Господь с тобой слегка накосячил. Он часто так – создаст, а потом думает: да зачем? Понять можно – скучно, одиноко, ни инжира вокруг, кроме облаков. Напросись к Нему на аудиенцию, когда дежурный ангел явится записывать просьбы. Обалдеют, но не откажут.

Ева нерешительно пожала голыми плечами.

– Бог... Он исключительно занятой, у Него всегда столько дел... Он... такой строгий...

Змий в возмущении всплеснул хвостом.

– Да ладно! Кем ему ещё заниматься? Мир давно создан, еноты по нему бегают. Сиди себе да релаксируй, на море гляди с облаков. Пусть он, скажем, сотворит тебе подругу... или десять. Болтаете вместе, сплетничаете об ангелах, а Адам из джунглей бананчики таскает, пока вы пираньями красотень наводите. Иначе, в конце-то концов, зачем нужны эти Адамы?

Ева задумалась.

– Я так точно не уверена, – предположила она, – но знаешь, он обалденно колет орехи.

Змий ехидно ухмыльнулся.

– Я хочу задать тебе один вопрос... – прошипел он. – Согласно указу Божьему, вы ведь должны повелевать всеми зверями земными, правда? Тогда я не понимаю, с какого боку Адам всегда ищет бананы САМ? Уж куда логичнее приказать их принести носорогу или, на худой конец, стае шимпанзе. Но не-е-ет... Он лично пробирается за плодами и постоянно приносит меньше, чем нужно... То есть рвёт явно впопыхах. Любовь моя, разве это не подозрительно? Вдруг он занимается в чаще лесной совсем другими делами?

Ева побледнела ещё сильнее. Курносый нос первой женщины заострился.

– Я так и знала. Я это чувствовала. Наверное, ОН ИХ ТАМ ЖЕ И ЖРЁТ!

⁹ Поскольку чудесного выражения «на фиг» в библейские времена ещё не существовало, тогдашние существа посылали «на инжир». Благо инжир на арамейском – это и есть «фига», столь нежное выражение прекрасно прижилось в будущем.

Змий отвернулся – и шёпотом грязно выругался. Точнее, хотел выругаться, но так как бранных слов вообще не существовало, помянул лишь ангелов Божиих. «Да что ж за жизнь-то, – огорчился аспид. – И «твою мать» не скажешь, поскольку матери у дуры и в помине нет. Теперь ясно, почему, в отличие от остальных животных, они здесь не делают попыток размножаться? Дама конкретно тупа, как пень пробкового дуба». Змий не потерял надежды, но осознал: времени требуется больше, чем он думал изначально.

Впрочем, он добьётся своего.

– Наверняка жрёт, – кисло согласился он. – Причём в три горла. Ладно, подруга, приятно было поболтать. Я поползу, забот полон рот. А к Древу ты всё же присмотришь. Зачем бананы, когда такая прелесть сама в рот просится? Ну, бывай, всего тебе хорошего.

– Заползай, как сможешь, – улыбнулась Ева.

...Она так и не увидела, в КОГО именно превратился змий глубоко в чаще леса, когда убедился, что его не видят посторонние глаза. Надо думать, её бы ОЧЕНЬ это удивило.

Глава 7

Создатель

(Москва, Лазаревское кладбище, полночь)

...Агарес, осторожно держа на весу мензурку, перелил туда жидкость с фарфорового блюдечка. Жижка по консистенции напоминала мёд – такая же тягучая и плотная, однако совершенно чёрного цвета. Закрепив стеклянную ёмкость в особом зажиме, демон, затаив дыхание, подсыпал граммов сорок зернистого порошка, по виду напоминающего измельчённую гречку. Над мензуркой яркими искрами полыхнуло зелёное пламя.

– Ух ты! – радостно сказал сам себе Агарес. – Надо же, мастерство не пропёшь.

Нужные компоненты он доставал весь день. Обед в «Деннице» опустошил краденную у мертвеца кредитку, просить же денег у ангела демон не стал – по идейным причинам. Поначалу он планировал ограбить отделение официального спонсора французской оккупации Москвы – банка «Лионский кредит», – но отверг эту затею как излишне масштабную и громоздкую. Посему демон подверг чарам двух офицеров, получавших в банкомате отпускные, и легко избавил их от наличности. Далее слуга Сатаны расплатился добытыми франками в гипермаркете «Ашан», где приобрёл мензурки, аптекарские весы и прочие штуки, необходимые для действия. Денег хватило в обрез, у кассы Агарес уже прикидывал, не зачаровать ли ему и продавцов магазина, но в последнюю секунду решил, что для демона это чересчур мелко.

Чёрного петуха он украл на фермерском рынке. Лягушек наловил в пруду.

Ну и, наконец, нашёл нужное кладбище. Здесь, в Марьином лесу, уже лет сто как погребают неимущих бедняков и бездомных бродяг, у семей коих нет денег на похороны. На Лазаревском не в чести помпезные памятники, отсутствует престижная охрана, не горят фонари, и вообще оно как бы предоставлено самому себе. Поэтому тут (большое спасибо силам зла) более чем достаточно подручных материалов для осуществления его плана.

Он раскопал несколько могил подряд. Итак, что в итоге получилось?

Всё, чему учил сам Сатана на спецкурсах «Практической демонологии». Печень жаб, сердце чёрного петуха и прах покойной незамужней девушки он взбил миксером – отличное, надо сказать, изобретение. Горсточку осинового коры припудрил пеплом летучей мыши (куплено у пьяного сторожа в зоопарке, всё же Россия – это Россия), взболтал в мензурке и залил собственной кровью. На левой руке демона атели глубокие порезы – крови понадобилось много. Он отодвинулся, скептически посмотрел на посудину – как заправский шеф-повар в ресторане, только что сварганивший фирменный салат.

Над Лазаревским кладбищем застыла ледяная тишина.

Могилы преобладали безымянные, поэтому он копал наугад. Демону повезло с ходу наткнуться на братское захоронение, где скопом свалены мертвецы: ух ты, настоящий шведский стол. Луна не спешила появляться в чёрном небе, но гробокопатель имел кошачье зрение. О, сколько сотен раз ему пришлось проводить корпоративы Ада на заброшенных кладбищах, используя кости трупов как барабанные палочки! Неужели всё ушло в небытие с воцарением империи добра? Как печально. Ведь это было целое искусство – и холод органной музыки во время сатанинской мессы, и голая девушка на алтаре, и зелье из сладкой водки и лесных трав: такое умеют варить лишь знахарки с богатым вековым стажем. Подумать только, какой замечательный мир канул в Лету. Он словно Робинзон Крузо, одиночка на необитаемом острове, единственный демон в целой Вселенной. Чего там шабаш – часовню заваливающую поджечь, и то отныне не с кем. На грёбанных лугах добра цветы зла не расцветают. Обидно до боли в сердце.

Лес зловеще шумел. Среди ветвей кричали ночные птицы.

Демон подумал, что сейчас походит на идиота. Перемазанный землёй и кровью, сидящий на краю могилы у наспех разожжённого костра, что твой некрофил-любитель. Но увы, ему это необходимо. От постоянной близости Аваддона он уже сходит с ума. Как ему не повезло с братом! Из того ведь мог получиться весьма качественный демон. Не сказать чтобы прям шикарный, но вполне ничего себе. Парочка жертвоприношений, три-четыре сбивания с пути истинного, один секс в монастыре (можно чисто формально), и пожалуйста – демон готов. Поначалу пусть обслуживает в Аду грузовых драконов, а впоследствии его можно повесить... скажем, до *соннелона*. Так, чего-то он размечтался. Надо тщательно пересчитать, что имеется в наличии. Вдруг компонентов не хватает.

Печень жаб – пять штук.

Сердце чёрного петуха – одно.

Прах девушки – двести грамм.

Собственная кровь – четверть литра.

Толчёный череп мертвеца – один стакан.

Глаза паука – семь (*паук в процессе вырвался и сбежал*).

Сера – одна коробочка.

Рог козла – две штуки (*купил на блошином рынке*).

Белена и волчьи ягоды – три горсти.

Экскременты лося – один пакетик (*не спрашивайте, как добыл*).

Осиновая кора + летучая мышь.

Кажется, ничего не забыл. Надо же, как дрожат руки. Отвык, совсем отвык. А ведь когда-то слыл в Аду отличником – демон с высшим образованием, далее практика на Земле, написание трёхтомника «Краткое введение в основы демоноводства», тренировка мелких бесов... Да всех регалий и не перечесть. Ладно, у него получится... иначе несдобровать. Он всего сутки вместе с этим сучьим ангелом, и натурально едва не помешался.

Где-то глубоко в чаще ухнула сова.

Агарес аккуратно выложил из светящихся углей пентаграмму. В самом центре укрепил пробирку с эликсиром. Окропил пять углов звезды собственной кровью и воздел обе руки – выставив указательный палец и мизинец, символизируя рога Сатаны. Чуть запинаясь, демон прочёл заклинание на латыни. Потом повторил на греческом. Затем – на аккадском, забытом языке царей Вавилона. Отчаявшись, добавил древнеегипетский.

Ничего. Вернее сказать, СОВСЕМ ничего.

Со злости демон сломал растущее на могиле деревце. Ну надо же! Убить целый день, чтобы получить нулевой результат. Вот что он сделал не так? Набор веществ точный. Место выбрано правильно. Заклинания проверены временем. Однако не работает. Почему? Он не тому жертвует? Ну конечно! «Обращаюсь к тебе, Господин мой, Сатана». Вот где он лажанулся. Если Сатаны в природе нет, он не выполнит нужных просьб. Но кому тогда посвящать заклинание? Час от часу не легче. Может, необходим конкретный ритуальный танец на могиле? Демон представил себя танцующим чардаш, и ему нравственно поплохело. «Думай. – Агарес ударил себя кулаком по лбу. – Должно же быть какое-то решение!» Он запрокинул голову, глядя в чёрное небо. На нос демона упала капля. Дождь. Мгновение – и на кладбище обрушился сильный, буквально тропический ливень. Надо ли удивляться, что угли вмиг погасли, а эликсир, где смешались труды полного дня и весь курс демонологии, изрядно разбавился водой. Агарес пошатнулся и плюхнулся прямо в грязь. У него не осталось сил даже материться.

За спиной веером развернулись мокрые постылые крылья.

В гневе вырвав пучок перьев, Агарес швырнул его в центр размякшей пентаграммы.

Спустя секунду демона отшвырнуло назад, будто взрывной волной, – инсталляцию на могиле сотряс разряд молнии. Пятиконечная звезда взорвалась зелёным огнём, искры подожгли соседние деревья. Демон явственно ощутил запах палёной кожи. Место колдовства вдруг

засияло мерцающим светом, переливаясь и вспыхивая, подобно планктону в ночном море. Он услышал тяжёлый рёв. Латинские фразы между раскатами грома звучали так, будто на землю роняли свинцовые гири. Слов демон не разобрал. Поверхность кладбища жёстко трянуло, с деревьев посыпались листья и обломки сучьев. Пустая могила на глазах Агареса, пузырясь, заполнилась водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.